Рене Генон

Духовное владычество и мирская власть

Рене Генон

Книга известного французского традиционалиста посвящена проблемам взаимоотношений мирской и духовной власти. Рассматривается как мироустройство так называемых традиционных обществ, так и современное положение дел.

Глава 1

В различные исторические эпохи, и даже если заглянуть за пределы того, что принято называть историческим временем, в той степени, в которой это будет возможно для нас при помощи соответствующих свидетельств, почерпнутых из устных или письменных традиций разных народов,[1] мы обнаруживаем следы часто встречающегося противостояния представителей двух сил — духовной и светской, — каковы бы ни были формы, принимаемые обеими этими силами, чтобы приспособиться к разнообразию условий конкретных эпох и стран. Однако это не означает, что данное противостояние и борьба, им порождаемая, являются, если воспользоваться выражением, которым, к сожалению, слишком часто злоупотребляют, “старыми как мир”; это было бы слишком явным преувеличением, ибо, чтобы положить начало этому противостоянию и борьбе, необходимо, согласно знаниям, накопленным всеми традициями, чтобы человечество достигло уже в своем развитии определенной фазы, достаточно удаленной от первоначального состояния чистой духовности. Кроме того, первоначально две силы, о которых идет речь, не должны были существовать как отдельные функции, выполняемые, соответственно, разными людьми; напротив, они, скорее всего, были составляющими единого принципа, который их порождал и двумя неделимыми аспектами которого они являлись, нерасторжимо связанными в единстве синтеза, одновременно высшего и первоначального по отношению к моменту их разделения. Именно эта мысль выражена, в частности, в индийском учении, которое говорит о том, что вначале была только одна каста; этой первоначальной единой касте было дано имя Хамса, что означало очень высокий духовный уровень, ставший совершенно исключительным в наши дни, но когда-то абсолютно естественный для всех людей, которые обладали им в каком-то смысле непроизвольно;[2] этот духовный уровень превосходит уровень всех четырех каст, созданных позднее, между которыми и были распределены различные социальные функции.

Принцип разделения каст, совершенно непонятый на Западе, основан на различии природных качеств разных людей, которое и устанавливает среди них иерархию, незнание которой может привести лишь к беспорядку и путанице. Именно это незнание привело к появлению теории “равенства”, столь ценимой в современном западном мире, теории, которая

противоречит всем наиболее устоявшимся фактам и опровергается простыми повседневными наблюдениями, поскольку в реальности не существует никакого равенства; однако здесь не место для подробных рассуждений по этому поводу, тем более что они были сделаны нами ранее. [3] Слова, которые служат названиями каст в Индии, обозначают, в сущности, лишь "индивидуальную природу"; под этим необходимо понимать совокупность признаков, которые накладываются на "специфическую" человеческую природу для того, чтобы различать людей между собой; тут же необходимо добавить, что наследственность лишь частично влияет на определение этих признаков, поскольку иначе члены одной семьи были бы в точности похожи друг на друга, равно как и принадлежность к касте не является строго наследственной, хотя и может стать таковой достаточно часто на самом деле. Кроме того, поскольку было бы трудно представить себе двух идентичных или равных во всех отношениях людей, то неизбежно существование различий даже между людьми, принадлежащими к одной касте; но так же, как больше сходных черт обнаруживается между существами одного вида, чем между существами, принадлежащими к разным видам, так и внутри общества сходных черт будет больше между людьми, принадлежащими к одной касте, а не к двум разным; таким образом, можно сказать, что различие каст в человеческом обществе представляет собой аналог природной классификации, которой соответствует распределение в обществе различных функций. На самом деле, каждый человек в силу своей собственной природы способен выполнять одни определенные функции и не пригоден к выполнению других; в обществе, построенном строго на традиционной основе, способности всех людей должны быть определены согласно четким правилам, а различные типы функций должны быть распределены согласно тщательно проведенной классификации "природных индивидуальностей", сведя до минимума возможные ошибки в практической жизни, что позволило бы каждому занять предназначенное ему место, а социальному порядку стать четким выражением иерархии, являющей собой природу человеческих существ. Такова, если коротко обобщить, основная причина существования каст; необходимо четко знать по крайней мере эти основные положения, чтобы понять все, что будет говориться в дальнейшем как по поводу структуры каст, существующих в Индии, так и по поводу аналогичных образований, существующих в других странах, ибо очевидно, что одни и те же принципы, пусть несколько измененные в зависимости от конкретных обстоятельств, определяют собой организацию всех государств, обладающих собственно

традиционным характером.

Разделение на касты с соответствующей дифференциацией социальных функций приводит в конечном счете к нарушению первоначального единства; именно таким образом происходит разделение двух властей — духовной и светской, которые в своем раздельном существовании представляют соответственно функции двух первых каст — касты Брахманов и касты Кшатриев. Однако эти две власти, как, впрочем, и все группы людей, между которыми были распределены различные социальные функции, первое время должны были находиться в состоянии совершенной гармонии, которая поддерживала видимость первоначального единства, насколько то позволяли условия существования человечества в новой фазе, ибо такая гармония, по большому счету, это лишь отражение, или образ, истинного единства. Лишь на следующей стадии развития это разделение должно было трансформироваться в противопоставление и противостояние, а гармония — расстроиться и уступить место борьбе двух властей, когда низшие функции начинают стремиться к превосходству, что в дальнейшем приведет к полнейшему замешательству, отрицанию и крушению любой иерархии. Общая концепция, которую мы только что обрисовали в нескольких чертах, согласуется с традиционным учением о последовательности четырех веков, на которые делится история человечества Земли, с учением, которое встречается не только в Индии, оно также было известно во времена западной античности, у греков и римлян. Четыре века соответствуют четырем фазам, которые проходит человечество, удаляясь от первоисточника, то есть первоначального единства и духовности; они представляют собой в некотором роде этапы прогрессивной материализации, неизменно свойственной развитию любого цикла манифестации, как мы уже об этом говорили ранее.[4]

И только в последнем из этих четырех веков, который индийская традиция называет Кали-Юга, или “темный век”, и который соответствует нашему времени, смогло произойти ниспровержение нормального порядка вещей, то есть, прежде всего, светская власть одержала верх над властью духовной; однако первые проявления восстания Кшатриев против власти Брахманов могут относиться к существенно более раннему времени, чем начало этого века,[5] которое само по себе значительно предшествует всему, что известно обыкновенной, или “светской”, истории. Это противостояние двух сил, это соперничество представителей каждой из них были представлены в кельтской культуре в образе битвы медведя и кабана, что соответствовало символике гиперборейского происхождения, связанной с

одной из наиболее древних, если не самой древней, традиций человечества, с истинной первоначальной традицией; рассмотрение этой символики открывает широкое поле для умозаключений, несколько неуместных здесь, но к которым у нас еще будет повод обратиться в других работах.[6]

В данной работе мы не стремимся вернуться к самым истокам, и все наши примеры будем брать в эпохах гораздо более приближенных к нашему времени, эпохах, представляющих собой то, что мы можем назвать последней частью Кали-Юги, которая доступна обычной истории и начинается в VI веке до н. э. Не было бы ни малейшей необходимости делать эти краткие замечания о системе традиционной истории, если бы без них все остальное не было бы понято очень неполно, ибо можно полностью понять какую-либо эпоху, лишь поставив ее на место, которое она занимает как один из элементов целого; так, например, как мы уже об этом недавно говорили, отдельные черты, свойственные современной эпохе, можно объяснить, лишь рассматривая ее как конечную фазу Кали-Юги. Мы даем себе полный отчет в том, что эта синтетическая точка зрения противоречит аналитическому духу, который преобладает в развитии “светской” науки, той единственной, которую признает большинство наших современников; однако стоит строго придерживаться именно этой точки зрения, и тем строже, чем менее она признается; более того, это единственная точка зрения, которую должны принять все те, кто собирается, как и мы, строго следовать линии истинной традиционной ортодоксии, не делая ни малейших уступок современному сознанию, которое составляет, и мы готовы повторять это снова и снова, единое целое с собственно антитрадиционным сознанием.

Несомненно, что тенденция, господствующая в настоящее время, предлагает называть “легендарными” или иногда даже “мифическими” все факты более удаленной истории, как, например, те, о которых мы только что говорили; или даже факты гораздо менее древние, как часть тех событий, о которых речь пойдет далее, поскольку они не поддаются методам исследований, находящихся в распоряжении “светских” историков. Те, кто придерживается данной концепции в силу привычек, приобретенных в ходе своего образования, которое в наши дни приводит лишь к ментальной деформации, могли бы, если, несмотря ни на что, они сохранили какую-то способность к пониманию, принять эти факты просто в силу их символической ценности; что же касается нас, то для нас очевидно, что эта символическая ценность не только ничуть не умаляет собственную реальность этих событий как фактов исторических, но в целом является принципиально важной, поскольку придает им высшее

значение, гораздо более глубокого уровня, чем то, которое они могут иметь сами по себе; и это еще один вопрос, требующий отдельных объяснений.

Все, что существует, каким бы то ни было образом непременно является частью универсальных принципов, и все существует лишь потому, что участвует в этих принципах, которые представляют собой вечную сущность и неизменное наполнение непреходящей актуальности божественного Разума; следовательно, можно сказать, что все вещи, какими бы случайными они ни представлялись сами по себе, по-своему и на своем уровне существования, выражают или представляют собой основные принципы, ибо иначе они были бы просто ничем. Таким образом, от одного уровня к другому все вещи тесно сообщаются между собой, чтобы поддерживать единую и всеобщую гармонию, ибо гармония, как мы уже указали на это выше, это не что иное, как отражение основного единства в многообразии проявленного мира; и именно эта связь вещей является истинным основанием символики. Вот почему законы, действующие в любой внутренней области, могут быть использованы для обозначения реалий высшего порядка, где эти законы обретают свой глубокий смысл, который является одновременно их принципом и их концом; попутно мы также можем отметить по этому поводу ошибку современных “натуралистических” интерпретаций античных традиционных учений, интерпретаций, которые, опрокидывают иерархию связей между различными уровнями реальности. Рассмотрим например, лишь одну из наиболее распространенных в наши дни теорий, согласно которой символы или мифы никогда не брали на себя функцию отображения движения звезд, но несомненно, что среди них встречаются образы, вдохновленные этим движением и предназначенные с помощью аналогии объяснить совсем иную вещь, поскольку законы этого движения физически выражают метафизические принципы, от которых они зависят; именно на этом и основана истинная астрология древних. Низшее может символизировать высшее, обратное же невозможно; кроме того, если бы символ был более удален от уровня восприятия, чем то, что он символизирует, вместо того, чтобы быть к нему как можно ближе, как смог бы он выполнять предназначенную ему функцию, которая состоит в том, чтобы сделать истину более доступной для человека, давая “поддержку” ее пониманию? С другой стороны, совершенно очевидно, что использование астрономической символики, никоим образом не мешает астрономическим явлениям существовать как таковым и обладать, на своем собственном уровне, всей реальностью, на которую они способны; таким же образом дело обстоит и с историческими событиями, ибо они, как и всякие другие,

по-своему выражают высшие истины и соотносятся с законом соответствия, о котором мы только что говорили. Все эти события существуют вполне реально как таковые, но в то же самое время они равным образом являются символами; и с нашей точки зрения они представляют гораздо больший интерес именно как символы, чем как факты; иначе и не может быть, поскольку мы все стремимся соотнести с принципами и именно в этом, как мы объяснили ранее,[7] заключается основное различие между наукой “светской” и наукой “сакральной”. Мы так упорно настаиваем на этом для того, чтобы избежать малейшей путаницы в этом вопросе: нужно уметь поставить каждую вещь на положенное ей место; место истории, как и всех остальных наук, если рассматривать ее как подобает, находится в интегральном знании, но в этом отношении значение истории состоит лишь в том, что даже в незначительных событиях, которые являются ее непосредственным предметом, она позволяет найти точку опоры, чтобы подняться над ними. Что же касается “светской” точки зрения на историю, которая привязывается исключительно к фактам и не может их обойти, она для нас неинтересна, так же как и все, что принадлежит сфере простой учености; все это не история, если понимать ее в том смысле, в котором мы рассматриваем факты, и именно это позволяет нам не обращать ни малейшего внимания на некоторых предвзятых “критиков”, особо ценимых в наше время. Кроме того, нам кажется, что эксклюзивное употребление определенных методов было навязано современным историкам лишь для того, чтобы помешать им обрести ясность в вопросах, которых им не следует касаться по той простой причине, что это могло бы привести их к заключениям, противоречащим “материалистическим” тенденциям, которые “официальное” образование хотело бы сделать господствующими; само собой разумеется, что, мы не имеем ни малейшего желания сдерживать себя в этих вопросах. Иначе говоря, мы собираемся непосредственно приступить к теме нашей работы, не задерживаясь более на этих предварительных замечаниях, которые, помогают определить настолько четко, насколько это возможно, дух, в котором мы будем писать нашу работу и в котором ее, соответственно, надо читать, чтобы действительно понять ее смысл.

Глава 2

Противостояние властей — светской и духовной — в той или иной степени встречается почти у всех народов, в этом нет ничего удивительного, поскольку подобное происходит в силу всеобщего закона человеческой истории и, кроме того, связано со всем единством “циклических законов”, о которых мы постоянно упоминали почти во всех наших работах. В более древние периоды это противостояние, согласно традиционным данным, было выражено в символической форме, как мы уже указывали на это ранее на примере кельтов; однако в данной работе мы предполагаем развить другой аспект этого вопроса. В настоящий момент обратимся к двум историческим примерам, взятым, соответственно, из истории Востока и Запада: в Индии антагонизм, о котором идет речь, встречается в форме борьбы между Брахманами и Кшатриями, несколько эпизодов которой мы изложим в дальнейшем; в средневековой Европе этот антагонизм проявляется наиболее очевидно в том, что принято называть распрей между Церковью и Государством, хотя есть и другие, более частные, но не менее характерные, примеры этого антагонизма, как мы это увидим далее.[8] Кроме того, можно было бы легко установить, что эта борьба продолжается и в наши дни, хотя в силу современного беспорядка и “смешения каст” она осложняется гетерогенными элементами, которые могут ее скрыть от глаз стороннего наблюдателя.

Нет сомнения, по крайней мере за исключением отдельных крайних случаев, что обе эти власти, которые можно назвать властью священнической и властью царской, ибо именно таковы их истинно традиционные обозначения, имеют право на существование и свою собственную сферу действия. В общем-то, споры обычно разгораются лишь вокруг вопроса об иерархическом соотношении, которое будет неизбежно существовать между ними; это борьба за первенство, и протекает она практически всегда одинаково: воины, которым принадлежит светская власть, на первых порах подчиненные власти духовной, восстают против нее и объявляют себя независимыми от любой внешней силы или даже пытаются подчинить себе духовную власть, превосходство которой над собой они первоначально признавали, и пытаются сделать ее инструментом своего собственного господства. Этого достаточно, чтобы показать, что в ходе подобных выступлений происходит опрокидывание

нормальных отношений, но это видно еще яснее, если рассматривать их не просто как отношения двух социальных функций более или менее четко определенных, для каждой из которых достаточно естественной представляется склонность посягать на права другой, но как отношения двух сфер, в которых соответственно выполняются эти функции; именно соотношение двух сфер должно логически определять соотношение властей.

Однако, прежде чем приступить собственно к этой теме, мы должны сформулировать еще несколько соображений, которые облегчат ее понимание и уточнят значения терминов, которыми мы собираемся постоянно пользоваться; это тем более необходимо, поскольку из-за постоянного употребления значение этих терминов приобрело неопределенный характер, а иногда и сильно изменило свой первоначальный смысл. Прежде всего, поскольку мы говорим о двух властях и в силу различных причин у нас может возникнуть необходимость сохранять между ними внешнюю симметрию, необходимо в большинстве случаев, чтобы лучше обозначить различие между ними, употреблять по отношению к духовному порядку слово “autorite” (владычество, власть, авторитет), а не слово “pouvoir” (власть, влияние, сила), которое предпочтительнее для обозначения светского порядка, поскольку более ему подходит, если вспомнить прямое значение этого слова. На самом деле слово “pouvoir” практически неизбежно ассоциируется с идеей могущества или силы, особенно силы материальной,[9] могущества, которое проявляется внешне и укрепляется внешними средствами; именно таковой, уже в силу определения, является светская власть.[10] Напротив, духовное владычество, внутреннее по своей сути, проявляется только само по себе, независимо от любой ощутимой поддержки, и действует как бы невидимо; в данном случае о силе или о могуществе можно говорить лишь посредством аналогии; когда мы имеем в виду духовное владычество в чистом виде, если можно так сказать, необходимо отдавать себе отчет, что речь идет о силе истины и собственно интеллектуальном могуществе, имя которому “мудрость”.[11]

Объяснения, и, может быть, даже еще более подробного, требуют выражения, которые мы только что употребили: власть царская и власть священническая; что же конкретно необходимо понимать под священническим и царским? Если начать с последнего, можно сказать, что царская функция включает в себя все то, что на социальном уровне представляет собой “управление” в собственном смысле этого слова, даже

при условии, что оно не имеет формы монархии; на самом деле эта функция собственно целиком принадлежит всей касте Кшатриев, и царь — это лишь первый среди них. Функция, о которой идет речь, является в каком-то смысле двойственной: административной и юридической — с одной стороны и военной — с другой, ибо она должна обеспечивать поддержку порядка одновременно изнутри, в качестве регулирующей и уравновешивающей функции, и снаружи, в качестве функции, защищающей социальный порядок; эти два конструктивных элемента царской власти в различных традициях символизируются соответственно весами и мечом. Из этого очевидно, что царская власть, в сущности, является синонимом светской власти, даже если рассматривать последнюю во всей присущей ей полноте; однако то неимоверно ограниченное представление, которое составилось на Западе о царской власти, может помешать сразу обнаружить эту равноценность; вот почему было совершенно необходимо с самого начала сформулировать это определение, которое в дальнейшем ни в коем случае не следует забывать.

Что же касается духовенства, его основная функция — сохранение и передача традиционного учения, в котором можно найти основополагающие принципы любой регулярной социальной организации; кроме того, эта функция очевидным образом не зависит от любых внешних форм, которые может принимать учение, чтобы в своем выражении приспособиться к конкретным условиям того или иного народа или эпохи, эти формы, однако, никоим образом не затрагивают сути учения, которая всегда и везде остается подлинной и неизменной. Нетрудно понять, что истинной функцией духовенства является не совсем та функция, которую западные концепции приписывают, особенно часто в последнее время, “священникам” и “жрецам”, или, по крайней мере, она может быть таковой в определенной степени и в определенных случаях и совершенно иной — в других. На самом деле, только традиционное учение и все, что имеет к нему непосредственное отношение, обладает истинно “сакральным” характером, совершенно не обязательно являясь при этом собственно религиозной формой;[12] “сакральное” и “религиозное” ни в коем случае не являются синонимами, и первый из этих двух терминов гораздо более всеобъемлющ, чем второй, поскольку помимо религии, которая является его частью, “сакральное” включает в себя множество элементов, не несущих в себе ничего религиозного; духовенство, как на это указывает даже его название, без малейших оговорок можно отнести к тому, что является собственно “сакральным”.

Таким образом, истинное назначение духовенства — это прежде всего

сохранение знания и обучение ему,[13] собственно поэтому, как мы и говорили выше, его атрибутом является мудрость; само собой разумеется, помимо этого духовенство выполняет ряд других, более внешних, функций, таких, как, например, исполнение ритуалов, поскольку они требуют знания учения, по крайней мере в основных чертах, и представляют собой часть присущего ему "сакрального" характера; но эти функции являются лишь вторичными, временными и, в некотором смысле, случайными.[14] И если на Западе эта вторичная функция становится пусть не единственной, но все-таки основной, это означает лишь то, что полностью забыта реальная природа духовенства; именно в этом проявляется одно из последствий современного отклонения, отрицающего интеллектуальность,[15] которое стремится если не искоренить любое доктринальное знание, то, во всяком случае, "минимизировать" его и отодвинуть на задний план. Дело не всегда обстояло подобным образом, что доказывает само слово "clerge"(духовенство), ибо первоначально слово "clerc" (священнослужитель, ученый, грамотей), от которого оно произошло, обозначало не что иное, как "знающий, сведущий",[16] и было противопоставлено слову "laique"(мирской, светский), которое служило для обозначения простолюдина, то есть "vulgaire" (заурядный, грубый, вульгарный), что подразумевало человека невежественного или "профанического", от которого можно было требовать лишь того, чтобы он верил, так как понимать он был не в силах, следовательно, это был единственный способ вовлечь его в традицию, хотя бы в меру его возможностей.[17] Любопытно отметить, что в наше время люди, которые с гордостью называют себя "светскими", или же те, кто с удовлетворением именуются "агностиками", тем самым лишь расписываются в собственном невежестве; и то, что они не отдают себе отчета в истинном смысле ярлыков, которые сами на себя и навешивают, еще раз доказывает, насколько велико и практически неисправимо их невежество.

Тот факт, что духовенство по своей природе является хранителем традиционного знания, отнюдь не подразумевает монопольного им обладания, поскольку миссия духовенства состоит не только в том, чтобы сохранять это знание, но и в том, чтобы передавать его всем тем, кто способен его воспринять, то есть, в каком-то смысле, иерархически распространять его в зависимости от интеллектуальных способностей каждого. Таким образом, источником любого знания этого уровня является духовное обучение, представляющее собой средство его регулярной передачи; поэтому именно высшая часть учения, знание самих принципов,

кажется наиболее предназначенной духовенству в силу своего характера чистой интеллектуальности, тогда как развитие определенных приложений более подходит возможностям других людей, которых их собственные функции вынуждают находиться в прямом и постоянном контакте с миром манифестации, то есть, собственно, с областью, к которой относятся эти приложения. Вот почему в Индии, например, определенные второстепенные ветви доктрины более тщательно изучаются Кшатриями, тогда как Брахманы придают им лишь очень относительное значение, поскольку их внимание сосредоточено на уровне трансцендентных и неизменных принципов, лишь случайными последствиями которых является все остальное, или же, если посмотреть с противоположной стороны, на высшей цели, по отношению к которой все остальное не более чем второстепенные и подчиненные средства.[18] Существуют даже традиционные книги, которые предназначены специально для Кшатриев, поскольку в них излагаются аспекты доктрины, согласующиеся с их собственной природой;[19] есть также “традиционные науки”, предназначенные Кшатриям, тогда как удел Брахманов — чистая метафизика.[20] Все это совершенно закономерно, ибо данные приложения и адаптации также составляют часть сакрального знания, рассматриваемого во всей его интегральности, и кроме того, хотя священническая каста прямо не заинтересована в них ради своих собственных целей, они тем не менее входят в круг обязанностей этой касты, поскольку только она одна компетентна контролировать их четкое соответствие принципам. Однако случается, что Кшатрии, вступившие в борьбу с духовным владычеством, забывают об относительном и подчиненном характере своих знаний; они начинают рассматривать эти знания как свое собственное достижение и забывают о том, что получены они были от Брахманов, и, наконец, Кшатрии доходят до того, что стремятся вознести свои знания над знаниями, которые находятся в исключительном владении Брахманов. Результатом этого, согласно концепции восставших Кшатриев, должно стать опрокидывание сложившихся отношений между принципами и их приложениями или даже, в самых крайних случаях, простое отрицание любого трансцендентного принципа; но в любом случае это становится замещением “метафизического” “физическим”, если понимать данные слова в их строго этимологическом смысле, или, иначе говоря, тем, что можно было бы назвать “натурализмом”, объяснение чему мы дадим в дальнейшем.[21]

От этого разграничения в сакральном, или традиционном, знании двух

уровней, которые обобщенно можно обозначить как уровень принципов и уровень приложений или же, следуя только что сказанному, уровень “метафизический” и уровень “физический”, в античных мистериях как Запада, так и Востока происходит выделение того, что принято называть “малые тайны”, которые содержат в себе собственно знание природы, и “великие тайны”, содержащие знание того, что находится над природой.[22] Это же самое разграничение соответствует разделению “инициации духовенства” и “инициации царей”, то есть знания, которым обучали посредством этих двух типов мистерий, рассматривались как необходимые для выполнения соответственно функций Брахманов и Кшатриев или же функций тех, кто представляет собой эквивалент этим кастам у других народов;[23] но само собой разумеется, что именно духовенство в силу своей функции обучения свершает равным образом оба вида инициации, подтверждая тем самым реальную легитимность положения не только своих собственных членов, но и представителей касты, которой принадлежит светская власть; как мы увидим в дальнейшем, именно отсюда происходит так называемое “божественное право” царей.[24] Данным положением вещей определяется тот факт, что обладание “великими тайнами» подразумевает обладание “малыми тайнами”: поскольку, так же, как любое следствие и приложение содержатся в принципе, от которого происходят, любая высшая функция “в высшей степени” несет в себе возможности функций низших;[25] этот закон неизбежно выполняется в любой истинной иерархии, то есть иерархии, основанной на самой природе людей.

Есть еще один момент, на который мы должны здесь указать, хотя бы не вдаваясь в подробности: наряду с выражениями “инициация духовенства” и “инициация царей” и если можно так сказать, параллельно с ними встречаются также выражения “духовное искусство” и “царское искусство”, которые обозначают использование знаний, полученных посредством соответствующего вида инициации со всей совокупностью “техник”, относящихся к ее сфере.[26] Эти обозначения долгое время сохранялись в древних союзах, а судьба термина “царское искусство” просто исключительна, поскольку он дожил до наших дней, хотя в современном масонстве он сохраняется сейчас, как, впрочем, и большинство других символов и терминов, лишь как непонятый след прошлых времен. Что же касается термина “духовное искусство”, то он полностью исчез; он, очевидно, соответствовал творчеству зодчих, возводивших соборы в средние века, равно как и искусству строителей

античных дворцов; однако в дальнейшем, когда из-за утери, по крайней мере частичной, традиции, произошло разделение двух областей, что было следствием победы светской власти над духовной, было утеряно и “духовное искусство”; это произошло, вероятно, к началу эпохи Ренессанса, которая по сути обозначила во всех отношениях окончательный разрыв западного мира с его собственными традиционными учениями.[27]

Глава 3

Выше мы уже говорили, что связи двух властей — духовной и светской — должны определяться связями двух соответственных сфер, которым они принадлежат; сведенный таким образом к своему принципу, вопрос кажется нам предельно четким, ибо по сути является нечем иным, как вопросом соотношения знания и действия. На это можно возразить, что согласно тому, о чем мы только что говорили, люди, которым принадлежит светская власть, при нормальном положении вещей должны обладать кроме всего прочего и определенным знанием; но, помимо того, что они сами не обладают этим знанием, а получают его от духовного владычества, это полученное ими знание касается лишь приложений учения, а не его основных принципов; собственно говоря, это не более чем знание par participation. Истинным знанием, единственным, которое заслуживает этого названия во всей полноте его смыслов, является знание принципов независимо от каких бы то ни было временных приложений; именно оно принадлежит исключительно тем, кто обладает духовным владычеством, поскольку в нем нет ничего, что относилось бы к светскому уровню, даже если рассматривать его в самом широком смысле. И напротив, когда речь заходит о приложениях, мы обращаемся именно к светскому уровню, поскольку здесь знание уже не рассматривается исключительно само в себе и само для себя, а лишь как дающее свой закон действию; именно в этой степени знание необходимо тем, собственная функция которых лежит только в области действия.

Очевидно, что светская власть во всех ее формах: военной, юридической, административной — полностью связана с действием; таким образом, она, по своей компетенции, заключена в те же пределы, что и действие, то есть в пределы мира, который можно назвать собственно "человеческим", понимая, однако, под этим термином нечто гораздо более широкое, чем это принято. Напротив, духовное владычество полностью основывается на знании, поскольку, как мы уже об этом сказали, его главной задачей является сохранение и передача учения и, соответственно, область его влияния безгранична, как сама истина;[28] самой природой вещей духовному владычеству предназначено то, что не может быть передано людям, функции которых лежат в совершенно иной области, а именно — трансцендентное и "высшее" знание,[29] которое находится вне

“человеческой” области и даже всего проявленного мира в целом, мира, являющегося уже не “физическим”, но “метафизическим” в этимологическом смысле этого слова. Необходимо четко понимать, что в данном случае речь идет не о сознательном желании священнической касты сохранить только для себя знание отдельных истин, но о необходимости, которая является прямым следствием природных различий, существующих между людьми, различий, которые, как мы уже сказали, являются причиной существования и основой разделения каст. Люди, созданные для действия, не созданы для чистого знания; в обществе, построенном на истинно традиционных основах, каждый должен выполнять функцию, в которой он действительно “компетентен”; в противном случае все приходит в состояние путаницы и беспорядка, ни одна из функций не выполняется так, как должна бы выполняться: именно это состояние свойственно нашему времени.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что уже хотя бы в силу этого беспорядка соображения, высказанные нами в данной работе, покажутся очень странными современному западному миру, где то, что мы называем “духовным”, часто имеет лишь отдаленное отношение к строго доктринальной точке зрения и к знанию, свободному от любых случайностей. По этому поводу можно сделать любопытное замечание: на Западе сегодня уже больше не довольствуются закономерным и необходимым разделением духовного и светского, но претендуют на их радикальное разграничение; это привело к тому, что никогда еще эти два уровня не были столь перемешаны, как сейчас, и никогда еще временные затруднения настолько не затрагивали того, что должно было быть совершенно независимым; по всей видимости такая ситуация неизбежна в силу самих условий современной эпохи, которые мы опишем чуть позже. Чтобы избежать любых ложных интерпретаций, мы должны еще раз подчеркнуть, что то, о чем мы сейчас говорим, касается лишь духовного владычества в чистом виде, примеры которого вряд ли следует искать вокруг нас. Если угодно, можно считать, что речь идет о некоем теоретическом типе, в каком-то смысле типе “идеальном”, хотя, по правде говоря, такое видение вещей не совсем сочеталось бы с нашей точкой зрения; нам хорошо известно, что на самом деле, когда дело касается исторических приложений, всегда необходимо иметь в виду разнообразные случайности, однако современную западную цивилизацию мы рассматриваем лишь как отклонение и аномалию, каковыми она, в сущности, и является, что, впрочем, объясняется ее принадлежностью к последней фазе Кали-Юги.

Но вернемся к связи знания и действия; у нас уже была возможность рассмотреть этот вопрос достаточно подробно,[30] и, следовательно, нет смысла повторять здесь то, что уже было сказано; однако необходимо напомнить по крайней мере наиболее существенные моменты. Существующую в данное время антитезу Востока и Запада мы сводили в целом к следующему: в то время как на Востоке поддерживается превосходство знания над действием, Запад, напротив, утверждает превосходство действия над знанием, хотя и не доходит до полного отрицания последнего; при этом мы говорили только о современном западном мире, поскольку во времена античности и средневековья дело обстояло совершенно иначе. Все традиционные учения, будь то западные или восточные, едины в своем утверждении превосходства и даже трансцендентности знания над действием, в отношении которого оно играло роль “неподвижного двигателя” (определение Аристотеля), что, тем не менее, не лишало действие его законного места и его важности на своем уровне, однако, это был лишь уровень временного человеческого. Изменение было бы невозможно без принципа, от которого оно происходит, и который, уже в силу того, что является его принципом, не может быть подчинен изменению, поскольку, будучи центром “пути вещей”, он неизбежно “неподвижен”;[31] равным образом действие, принадлежащее миру изменения, не может нести в себе принцип; любую реальность, на которую оно способно, действие извлекает из принципа, лежащего вне его сферы, и найти этот принцип может лишь в знании. На самом деле, только знание позволяет выйти за рамки мира изменений или “будущего” и пересечь границы, ему присущие, и едва только знание достигает неизменного, как в случае с основополагающим или метафизическим знанием, являющимся собственно знанием,[32] оно само становится незыблемым, поскольку любое истинное знание отождествляется с его объектом. Духовное владычество в силу своей вовлеченности в знание, обладает незыблемостью в самом себе; светская же власть, напротив, подчинена всем превратностям временного и преходящего, по крайней мере до тех пор, пока высший принцип не придаст ей в той мере, которая будет соответствовать ее природе и характеру, стабильность, которую она не может обрести своими собственными средствами. Именно этот принцип, олицетворяет духовное владычество; таким образом, чтобы существовать, светской власти необходимо признание духовного владычества; только это признание делает ее законной, то есть соответствующей тому же порядку вещей. Именно в этом заключается смысл “посвящения на царство”,

который мы определили в предыдущей главе; и именно в этом собственно и состоит “божественное право” царей или “приказ Неба”, как его принято называть в дальневосточной традиции: это выполнение светской властью своих обязанностей по поручению духовного владычества, которому эта власть принадлежит “в высшей степени”, как мы уже это объясняли.[33] Любое действие, источником которого не является знание, далеко от принципа и по сути представляет собой лишь суетное движение; так же и любая светская власть, не признающая этой подчиненности духовному владычеству, равным образом тщетна и иллюзорна; поскольку она отделена от своего принципа, все ее действия будут вызывать лишь беспорядок и неизбежно приведут к ее падению.

Поскольку мы только что упомянули о “приказе Неба”, будет нелишне указать, как, согласно самому Конфуцию, этот приказ должен выполняться: «Цари древности, чтобы заставить воссиять природные добродетели в сердце каждого человека, прежде всего ставили перед собой задачу хорошо управлять своими подчиненными. Чтобы хорошо управлять своими подчиненными, они должны были прежде всего навести порядок в своей семье. Чтобы навести порядок в своей семье, они должны были прежде всего сами стать совершенными. Чтобы самим стать совершенными, они должны были прежде всего научиться управлять биением своего сердца. Чтобы научиться управлять биением своего сердца, они должны были прежде всего сделать совершенным свое намерение. Чтобы сделать совершенным свое намерение, они должны были прежде всего приумножить насколько только возможно свое знание. Знания приумножают, познавая природу вещей. Единожды понятая природа вещей поднимает знания на самый высокий возможный уровень. Достигшие наивысшего уровня знания делают совершенным намерение. Ставшее совершенным намерение упорядочивает биение сердца. Упорядоченное биение сердца освобождает человека от всех его недостатков. Изменив себя, он устанавливает порядок в семье. Следствием порядка, царящего в семье, становится разумное управление подданными. Разумное управление подданными — это мир, которым наслаждается вся империя».[34] Необходимо признать, что изложенная здесь концепция роли монарха крайне отличается от идеи, сформировавшейся на современном Западе, которая помимо того, что делает ее гораздо более трудновыполнимой, еще и придает ей совершенно иное значение; отдельно отметим, что на знание недвусмысленно указано как на первое условие установления порядка, даже в области временного.

Теперь нетрудно понять, что опрокидывание отношений знания и действия в любой цивилизации является следствием узурпации превосходства светской властью, которая далее высказывает свои притязания на то, чего нет ни одной области, которая была бы выше ее собственной, а именно области действия. Однако, если бы все на этом и остановилось, мы бы не наблюдали сейчас ситуацию, до которой все дошло, ситуацию, где любая ценность отрицается знанием; причина подобного положения не вызывает сомнений — Кшатрии в свою очередь были лишены власти более низшими кастами.[35] На самом деле, как мы на это указывали ранее, Кшатрии, даже восстав против духовного владычества, стремились скорее утвердить усеченное учение, искаженное незнанием или же отрицанием всего, что не вписывается в "физический" уровень, но в котором все же сохранялись остатки истинного знания, хотя и низшего уровня; они могут также попытаться выдать это неполное и незаконное учение за выражение истинной традиции. В этом проявляется позиция, хотя и достойная осуждения с точки зрения истины, но тем не менее не лишенная определенного величия;[36] кроме того, разве не являются такие термины, как "благородство", "героизм", "честь" в их изначальном смысле обозначением качеств, присущих собственно природе Кшатриев? Напротив, когда элементам, соответствующим социальным функциям низшего уровня, удается в свою очередь добиться господства, любое традиционное учение, даже искаженное или измененное, исчезает полностью; нет больше ни единого следа "сакральной науки", кругом царит «профаническое знание», то есть невежество, выдающее себя за науку и наслаждающееся собственным ничтожеством. Все вышесказанное можно обобщить в нескольких словах: превосходство Брахманов поддерживает ортодоксальность учения, восстание Кшатриев делает учение гетеродоксальным; но с господством низших каст наступает ночь интеллекта; именно в этом положении находится сейчас Запад и, более того, угрожает распространить свой собственный мрак на весь остальной мир.

Нас могут упрекнуть в том, что мы якобы говорим о существовании каст повсюду и незаконно используем в приложении к любой социальной организации названия, которые применимы лишь по отношению к Индии; однако, поскольку эти названия в сущности обозначают функции, которые необходимо присущи любому обществу, мы не считаем такое употребление противозаконным. Справедливо, что каста — это не только функция, но, кроме того и прежде того, нечто в природе человеческих существ,

делающее их способными выполнять именно эту функцию скорее, чем любую другую; но эти различия природы и способностей неизбежно существуют везде, где есть люди. Разница между кастовым государством в истинном смысле этого слова и государством, где нет деления на касты, заключается в том, что в первом типе государства поддерживается нормальная связь между природой человека и функциями, которые он выполняет, не ручаясь лишь за ошибки в приложениях, которые, в любом случае являются не более чем исключением, тогда как во втором случае эта связь или просто не существует или, по крайней мере, проявляется лишь эпизодически; второй вариант имеет место, когда социальная организация утрачивает традиционную основу.[37] В нормальных случаях всегда есть нечто, сравнимое с институтом каст, разумеется видоизмененное в соответствии с конкретными условиями того или иного народа; но организация, которую мы встречаем в Индии, представляет собой наиболее полный и законченный тип приложения метафизической доктрины к человеческому уровню, и уже одного этого в сущности достаточно, чтобы оправдать язык, выбранный нами в предпочтение любому другому, который можно было бы позаимствовать в организациях, обладающих, в силу своей более специализированной формы, гораздо более ограниченным полем приложения и, вследствие этого, неспособных самостоятельно предоставлять те же самые возможности для выражения определенных истин всеобщего порядка.[38] Впрочем, есть еще одна причина, которая несмотря на свою второстепенность достаточно значима: обращает на себя внимание тот факт, что средневековые социальные организации на Западе практически копировали разделение на касты, духовенство соответствовало Брахманам, дворянство — Кшатриям, третье сословие — Вайшьям, крестьяне — Шудрам; это не были касты в полном смысле слова, но совпадение, несомненно неслучайное, позволяет нам с достаточной легкостью осуществлять транспозицию терминов в данном случае; это замечание будет проиллюстрировано историческими примерами, которые мы рассмотрим позже.

Глава 4

Мудрость и сила — таковы атрибуты соответственно Брахманов и Кшатриев или, если угодно, духовного владычества и светской власти; небезынтересно отметить, что в древнем Египте именно эти два атрибута, представленные в их естественном соотношении, объединяет в одном из своих значений символ Сфинкса. На самом деле, человеческая голова может рассматриваться как изображение мудрости, а тело льва, соответственно, — силы; голова — это духовное владычество, которое управляет, тело — светская власть, которая действует. Необходимо также отметить, что Сфинкс всегда изображается неподвижным, то есть светская власть подчеркнуто показана в “не-действующем” состоянии своего духовного принципа, в котором она содержится “в высшей степени”, то есть в состоянии возможности действия или, еще лучше, в божественном принципе, который объединяет два начала, духовное и светское, находясь вне их разделения и являясь общим источником, из которого они оба происходят, первое — напрямую, второе же — опосредованно, при помощи первого. Кроме того, мы можем указать вербальный символ, который в иероглифическом представлении является точным эквивалентом этому источнику: это название Друидов, которое читается как dru-vid, где первый корень обозначает силу, а второй — мудрость;[39] объединение этих двух атрибутов в одном имени, как и объединение двух элементов Сфинкса в едином существе, помимо того, что обозначает имплицитное включение царской власти в духовенство, является еще и напоминанием о том далеком времени, когда эти две власти были еще едины в состоянии первоначальной нераздельности в их общем и высшем принципе.[40]

Мы уже посвятили отдельную работу этому высшему принципу двух властей;[41] в ней мы дали объяснения, каким образом, ранее видимый, он в дальнейшем стал невидимым и скрытым, отстраняясь от “внешнего мира” по мере того, как этот мир удалялся от своего первоначального состояния, что должно было неизбежно привести к видимому разделению двух властей. Мы также показали, каким образом этот принцип возвращался, обозначенный различными именами и символами во всех традициях, как, в частности, он проявился в иудейско-христианской традиции в образах царя Мелхиседека и волхвов. Напомним лишь только то, что в Христианстве до сих пор, по крайней мере теоретически, признается этот единый принцип и

утверждается посредством признания неразрывности двух функций — священнической и царской — в самой личности Христа. Кроме того, с определенной точки зрения эти две функции, соотнесенные таким образом со своим принципом, могут рассматриваться как в некотором роде взаимодополняющие, и несмотря на то, что вторая по большому счету находит свой принцип в первой, между ними, даже в их разделении, есть некая связь. Другими словами, поскольку духовенство перестает включать в себя естественным образом реальное исполнение обязанностей царской власти, необходимо, чтобы представители соответственно духовенства и царской власти черпали ее из единого источника, который находится “вне каст”; иерархическое различие, существующее между ними, заключается в том, что духовенство получает свою власть напрямую из этого источника, с которым оно находится в непосредственном контакте в силу своей природы, тогда как светская власть по причине более внешнего и собственно земного характера своих функций, может получить свою власть лишь через духовенство. На самом деле, духовенство играет роль собственно “посредника” между Небом и Землей; существуют достаточно веские причины, по которым духовенство в целом получило в западных традициях символическое звание “понтификата”, ибо, как об этом говорит святой Бернард, “Понтификат (le Pontife), на что указывает сама этимология данного слова, является мостом (le pont) между Господом и человеком”.[42] Если же подняться к первоисточнику двух властей — священнической и царской — то искать его надо именно в “небесном мире”, что может быть понято фактически и символически одновременно;[43] однако этот вопрос относится к тем, которые выходят за рамки данной работы, и если мы дали здесь короткий комментарий, то лишь для того, чтобы избавить себя в дальнейшем от постоянных упоминаний о едином источнике этих двух властей.

Возвращаясь к тому, что стало отправной точкой этого отступления, повторим, что атрибуты мудрости и силы соответствуют знанию и действию; с другой стороны, в Индии в связи с той же точкой зрения также принято говорить, что Брахманы — это тип стабильных существ, а Кшатрии — существ изменяющихся;[44] другими словами, на социальном уровне, который, впрочем, полностью соответствует уровню космическому, первые представляют собой неизменный элемент, вторые — элемент подвижный. Здесь проявляется незыблемость знания, которая наглядно отображается неподвижной позой медитирующего человека; со своей стороны, подвижность — это то, что присуще действию в силу его

временного и переходного характера. Наконец, собственная природа Брахманов и Кшатриев фундаментально отличается в силу преобладания в них различных гун; как мы объяснили это в другой нашей работе,[45] индийское учение рассматривает три гуны, или три основных качества людей, во всех их состояниях манифестации: саттва соответствует чистой сущности Универсального Человека, который отождествляется с умственным светом или знанием и является восходящей тенденцией; раджас — это экспансивный порыв, в согласии с которым человек раскрывается в определенном состоянии и как бы на определенном уровне существования; и наконец, тамас — мрак, отождествляемый с невежеством и являющийся нисходящей тенденцией. Гуны находятся в совершенном равновесии в первоначальной нераздельности, и любая манифестация представляет собой нарушение этого равновесия; эти три элемента присутствуют во всех людях, но в разных пропорциях, которые собственно и определяют тенденции различных людей. В природе Брахманов несомненно преобладает саттва, направляя ее к состояниям сверхчеловеческим; в природе Кшатриев преобладает раджас, стремящаяся к реализации возможностей, заложенных в человеке.[46] Преобладанию саттва соответствует интеллектуальность; преобладанию раджас соответствует то, что из-за отсутствия лучшего термина мы называем чувствительностью; это еще раз подтверждает мысли, высказанные нами выше по поводу природы Кшатриев, а именно то, что Кшатрии не предназначены для чистого знания: присущий им путь можно было бы назвать путем “преклонения”, если перевести таким образом, впрочем очень несовершенно, санскритский термин бхакти, то есть путь, отправной точкой которого является элемент эмоционального уровня; и хотя этот путь встречается вне собственно религиозных форм, роль эмоционального элемента нигде еще не была так сильна, как в нем, ибо он выражает неким специфическим оттенком всю доктрину в целом.

Последнее замечание позволяет нам дать себе отчет в истинной причине существования этих религиозных форм: они, в частности, соответствуют народам, способности которых направлены главным образом к действию, то есть народам, если рассматривать их в целом, в которых превалирует “раджасический” — элемент, характеризующий природу Кшатриев. Именно эта ситуация, характеризует западный мир, вот почему, как мы уже указывали на это ранее,[47] в Индии говорят, что если Запад вернется к естественному состоянию и возродит регулярную социальную организацию общества, в нем будет очень много Кшатриев, но

мало Брахманов; именно поэтому религия в наиболее строгом смысле этого слова — собственно западное явление. Это также объясняет тот факт, что на Западе, кажется, нет собственно чистого духовного владычества или, по крайней мере, нет силы, обладающей всеми свойственными ему чертами, перечисленными и описанными нами ранее, которая могла бы внешне проявить себя таковым. Религиозная адаптация как факт совершенно иной традиционной формы представляет собой, однако, проявление истинного духовного владычества, в наиболее полном смысле этого слова; это владычество, предстающее внешне как религиозное, может в то же самое время быть совершенно иной вещью внутри себя, поскольку где-то в глубине оно не теряет своей связи с Брахманами, под которыми в данном случае мы подразумеваем интеллектуальную элиту, сохраняющую понимание того, что находится вне любых частных форм, то есть понимание глубинной сущности традиции. Для этой элиты форма может играть лишь роль "поддержки", с другой стороны, она предоставляет средство вовлечения в традицию тех, у кого нет доступа к чистой интеллектуальности; естественно, что такие люди не видят ничего кроме формы, их собственные индивидуальные возможности не позволяют им продвинуться дальше, и, как следствие, духовное владычество должно проявлять себя перед ними именно в том виде, который согласуется с их природой,[48] таким образом, чтобы их обучение, пусть даже внешнее, всегда вдохновлялось смыслом высшего учения.[49] Однако, если адаптация будет реализована, может случиться, что те, кто сохранял эту традиционную форму, впоследствии сами замкнутся в ней, утратив реальное знание того, что находится за ее пределами; впрочем, это может произойти в следствие различных обстоятельств, особенно вследствие "смешения каст", из-за которого в среде духовенства могут оказаться люди, в реальности принадлежащие к Кшатриям; из всего вышесказанного нетрудно понять, что подобная ситуация в принципе возможна скорее на Западе. На самом деле, комбинация интеллектуальных и чувственных элементов характеризует эту искусственную форму как некую смешанную область, в которой знание гораздо реже рассматривается само в себе, чем как приложение к действию; если же различие между "духовным посвящением" и "посвящением царским" не будет тщательно и строго поддерживаться, то тем самым будет создана почва для разного рода смешений, не говоря уже о множестве конфликтов, которые были бы недопустимы, если бы светская власть всегда имела перед собой чистое духовное владычество.[50]

В наши намерения не входит выяснение того, какой из двух указанных нами возможностей соответствует положение религии в современном западном обществе, и причину этого нетрудно понять: религиозное владычество внешне не соответствует тому, что мы называем чистым духовным владычеством, даже если внутренне и обладает его реальностью; на самом деле когда-то оно действительно обладало этой реальностью, но есть ли она сейчас, это вопрос спорный.[51] Тем более трудно было бы утверждать, что в ситуации, когда истинная интеллектуальность утрачена настолько же полно, как это произошло в современную эпоху, естественным становится процесс, в ходе которого высшая и “внутренняя” часть традиции все более и более становится скрытой и недоступной, поскольку люди, способные ее понять находятся в явном меньшинстве; нам хотелось бы, вплоть до доказательства противоположного, признать, что так может быть и что осознание интегральной традиции и всего, что она включает в себя, продолжает еще в реальности существовать среди некоторых людей, как бы малочисленны они ни были. Впрочем, даже если это осознание будет совсем утрачено, все же останется некая традиционная форма, основанная на определенных регулярных принципах, которая всегда будет поддерживать, уже хотя бы в силу сохранения в неприкосновенности “буквы”, возможность возрождения традиции, которое, несомненно, когда-нибудь произойдет, если только среди представителей этой традиционной формы найдутся люди, обладающие необходимыми интеллектуальными способностями. В любом случае, даже если бы каким-то образом в наших руках оказались более точные сведения по этому вопросу, мы не собираемся делать их достоянием публики, разве что в силу самых исключительных обстоятельств, и вот почему: так называемое религиозное владычество при наиболее неблагоприятном положении вещей является также неким относительным духовным владычеством; мы хотим сказать, что, не будучи реальным духовным владычеством, религия может нести в себе его видимость, заимствованную из своего источника, и с ее помощью всегда может выполнять функции духовного владычества, по крайней мере внешне;[52] таким образом она на законных основаниях играет роль визави светской власти и должна рассматриваться как таковая во всех отношениях с ней. Те, кто понял нашу точку зрения, смогут без труда отдать себе отчет в том, что в случае любого конфликта между духовным владычеством, каковым бы, пусть даже относительным, оно ни было, и собственно светской властью мы всегда должны в принципе принимать сторону духовного владычества; мы говорим “в принципе”, ибо само собой

разумеется, что у нас нет ни малейшего намерения ни активно включаться в подобные конфликты, ни тем более принимать какое-либо участие в раздорах современного западного мира, поскольку это никоим образом не является нашей целью.

Таким образом, в примерах, которые мы будем рассматривать впоследствии, мы не будем делать различия между теми, в которых идет речь о чистом духовном владычестве, и теми, где речь может идти только об относительном духовном владычестве; во всех случаях для нас духовным владычеством является та сила, которая выполняет его функции; кроме того, сходство, бросающееся в глаза во всех этих случаях, как бы далеко они ни находились друг от друг в историческом контексте, является достаточным основанием для такого уподобления. Проводить подобное различие мы будем лишь в том случае, если возникнет вопрос о реальном обладании чистой интеллектуальностью, который, на самом деле, здесь не стоит; кроме того, что касается владычества, связываемого с конкретной традиционной формой, мы должны заботиться о точном обозначении его границ, если можно так сказать, только в случаях, когда оно будет стремиться выйти за их пределы, и, опять-таки, мы не планируем затрагивать подобные случаи. По этому поводу еще раз напомним сказанное нами выше: высшее “в высшей степени” содержит низшее; тот, кто компетентен в определенных пределах внутри некоей установленной области, компетентен “a fortiori” во всем, что включают в себя эти пределы, тогда как он уже не является таковым во всем, что выходит за эти рамки; если бы это правило, очень простое, по крайней мере для тех, у кого сложилось четкое и правильное представление об иерархии, соблюдалось и применялось должным образом, никакое смешение областей и никакая ошибка так называемой “юрисдикции” не произошли бы. Многие, вероятно увидят в том, что мы только что сказали по поводу разделения и сохранения, лишь некие предостережения, полезность которых представляется сомнительной, другие же будут стремиться приписать всему чисто теоретическое значение; но нам кажется, что найдутся и те, кто поймет, что в реальности это нечто совершенно иное, и мы приглашаем их очень серьезно над этим задуматься.

Глава 5

Вернемся теперь к отношениям Брахманов и Кшатриев в социальной организации Индии: при естественном ходе вещей Кшатриям принадлежит вся полнота внешней силы, ибо область действия, которая им прямо соответствует, — это внешний и чувственный мир; однако эта сила ничто без внутреннего, собственно духовного принципа, воплощенного владычеством Брахманов, который, в свою очередь, является единственной реальной поддержкой силы Кшатриев. Из этого видно, что отношения двух властей можно было бы также представить как соотношение “внутреннего” и “внешнего”, символизирующего в реальности соотношение знания и действия или, если хотите, “движущей силы” и “движущегося тела”, если возвратиться к идее, высказанной нами ранее на основании как теории Аристотеля, так и индийского учения.[53] Эта гармония между “внутренним” и “внешним” никоим образом не должна рассматриваться как некий тип “параллелизма”, поскольку это было бы непониманием основополагающих различий двух областей; нам кажется, что именно в этой гармонии состоит залог нормальной жизни того, что принято называть социальной сущностью; однако мы никоим образом не хотим, употребляя подобное выражение, вызвать какое бы то ни было проведение параллелей между обществом и человеком, тем более, что в наши дни многие злоупотребляют данным уподоблением, ошибочно принимая за истинное сходство то, что является не более чем аналогией и соответствием.[54]

В обмен на поручительство, данное их силе духовным владычеством, Кшатрии, при помощи силы, которой они обладают, обязаны предоставить Брахманам возможность исполнять в мире, защищенном от любых волнений и беспорядков, их собственную функцию сохранения знания и обучения; именно такое соотношение индийский символизм представляет в образе Сканды, Властелина войны, который защищает покой медитации Ганеши, Властелина знания.[55] Уместно отметить, что то же самое встречалось в средневековье на Западе; на самом деле, святой Фома Аквинский недвусмысленно заявлял, что все человеческие функции настолько подчинены созерцанию высшей цели, “что если их рассматривать должным образом, все они окажутся на службе у тех, кто созерцает истину”, он также говорил, что основной целью существования в гражданской жизни любого правительства по сути является обеспечение

необходимого спокойствия для этого созерцания. Не вызывает сомнения, что все вышесказанное очень далеко от современной точки зрения, однако также очевидно, что преобладание тенденции к действию, которое сейчас несомненно существует на Западе, совсем не обязательно влечет за собой недооценку созерцания, то есть знания, по крайней мере, до тех пор, пока западные народы обладают цивилизацией, носящей традиционный характер, какой бы ни была форма, принимаемая традицией, в данном случае это форма религиозная, отсюда, собственно, и происходит теологический оттенок, который приписывается в концепции святого Фомы Аквинского созерцанию, тогда как на Востоке созерцание принадлежит порядку чистой метафизики.

С другой стороны, в индийском учении и, соответственно, в социальной организации, являющейся его приложением, то есть в народе, способности которого к созерцанию, рассматриваемые в данном случае в смысле чистой интеллектуальности, являются явно преобладающими и, кроме всего, развитыми настолько, насколько это, наверное, не встречается больше нигде, место, отведенное Кшатриям и, следовательно, действию, будучи полностью подчиненным, как это, собственно, и должно быть, тем не менее далеко не ничтожно, поскольку включает в себя все, что можно было бы назвать видимой властью. Кроме того, как мы уже об этом говорили по другому поводу,[56] тот, кто, поддавшись воздействию ошибочных интерпретаций, имеющий хождение на Западе, усомнится в этой очень реальной, хотя и относительной, важности, приписываемой действию индийским учением, впрочем, как и всеми традиционными учениями, чтобы убедиться в этом, должен лишь обратиться к Бхагават-Гите, которая является, и этого нельзя забывать, если хочешь по-настоящему понять ее смысл, одной из книг, упомянутых нами ранее,[57] которые специально предназначены для Кшатриев. Брахманам же принадлежит лишь в каком-то смысле невидимое владычество, которое, как таковое, вероятно, не признается толпой, но, тем не менее, не перестает являться непосредственным принципом любой видимой власти; это владычество представляет собой как бы стержень, вокруг которого вращаются все второстепенные вещи, фиксированную ось, вокруг которой совершает мир свое вращение, полюс или незыблемый центр, который направляет и управляет космическим движением, не принимая в нем непосредственного участия.[58]

Зависимость светской власти от духовного владычества наглядно проявляется в церемонии посвящения на царство: царская власть

становится реально ”узаконенной” лишь после того, как она получит от духовенства признание и посвящение, подразумевающее передачу “духовного влияния”, необходимого для законного исполнения всех присущих ей функций.[59] Это влияние иногда проявляется внешне собственно чувственными эффектами, примером которых может стать способность к исцелению, реально связанная со сферой сакрального, которой обладали короли Франции; данное влияние передавалось царям не их предшественниками, но исключительно как действие сакрального. Это еще раз подчеркивает, что влияние такого рода не принадлежит собственно царской власти, но даруется ей как, в некотором роде, поручение духовного владычества, поручение, в котором, как мы указали на это выше, собственно и состоит “божественное право”; таким образом, царь является не более чем его хранителем и, следовательно, может в определенных случаях его утратить; вот почему в Христианстве в средние века Папа Римский имел право освобождать от принесенной клятвы верности подчиненных ему монархов.[60] Как известно, в католической традиции святой Петр изображался держащим в руках не только золотой ключ духовной власти, но и серебряный ключ царской власти; у древних римлян эти два ключа были одним из атрибутов Януса и, кроме того, ключами “великих тайн” и “малых тайн”, которые, как мы это уже объяснили, соответствуют “духовной инициации” и “инициации царской”.[61] По этому поводу необходимо отметить, что Янус олицетворяет собой общий источник двух властей, тогда как святой Петр это собственно воплощение духовной власти, у которой находятся оба ключа, поскольку она является посредником в передаче царской власти, тогда как свою получает напрямую из источника.[62]

Все вышесказанное определяет естественные отношения духовного владычества и светской власти; если бы всегда и везде соблюдались данные отношения, никакой конфликт не мог бы разгореться между этими двумя властями, поскольку каждая занимала бы место, полагающееся ей в силу иерархии функций и людей, иерархии, которая, и мы еще раз это подчеркиваем, строго соответствует самой природе вещей. К сожалению, в действительности далеко не всегда сохраняется подобное положение вещей, и естественные отношения не только очень часто не признаются, но даже опрокидываются; по этому поводу прежде всего важно отметить, что очень серьезная ошибка заключается уже хотя бы в том, что светская и духовная власти рассматриваются как соотносительные и взаимодополняющие, при этом совершенно не учитывается тот факт, что

светская власть неизбежно должна находить свой принцип во власти духовной. Эта ошибка совершается тем более легко, поскольку, как мы уже на это указывали, подобное мнение о взаимодополняемости двух властей имеет право на существование с какой-то точки зрения, по крайней мере, в состоянии разделения двух властей, когда одна находит в другой не свой высший и предельный принцип, но лишь принцип сиюминутный и относительный. Таким образом, и мы уже обращались к этому, говоря о знании и действии,[63] данная взаимодополняемость является не ложной, но только лишь недостаточной, поскольку соответствует точке зрения, являющейся чисто внешней, каковым, собственно, является и само разделение двух властей, ставшее неизбежным в мире, в котором единственная и высшая власть более недоступна обыкновенному человеку. Можно также сказать, что в момент разделения власти сначала неизбежно предстают в своем естественном отношении субординации, и их соотносительная позиция может проявиться лишь в дальнейшей стадии нисходящего движения исторического цикла; этой новой фазе, в частности соответствуют определенные символические выражения, которые особенно подчеркивают именно аспект взаимодополняемости, несмотря на то, что более правильным было бы все-таки еще отмечать моменты субординации. Таковой, в частности, предстает хорошо известная, но непонятая на Западе, притча о слепом и паралитике, которая, на самом деле, представляет в одном из своих основных значений отношения активной жизни и жизни созерцательной: слепой — это действие, предоставленное самому себе, неподвижный паралитик — это внешнее отображение незыблемости, присущей знанию. Точка зрения, свойственная взаимодополняемости, символизируется в данном случае взаимопомощью двух людей, каждый из которых дополняет своими собственными возможностями то, чего не хватает другому; если источник этой притчи или, по крайней мере, ее конкретное истолкование в данном случае[64] соотнести с конфуцианством, то нетрудно понять, что в реальности оно должно ограничиться этой точкой зрения уже в силу того, что принадлежит собственно человеческой и социальной сфере. По этому поводу мы должны также отметить, что в Китае разделение даосизма, то есть собственно метафизической доктрины, и конфуцианства, доктрины социальной, которые, впрочем, происходят из одной интегральной традиции, представляющей собой их общий принцип, в точности соответствует разделению духовного и светского;[65] важно добавить, что принцип “не-действия” с точки зрения даосизма в полной мере объясняет для внешнего наблюдателя[66] символику, используемую в

данной притче. Однако необходимо четко осознавать, что в союзе двух людей направляющую роль играет паралитик и что само его положение — сидя на плечах слепого — символизирует превосходство созерцания над действием, превосходство, которого в принципе не мог отрицать даже сам Конфуций, как об этом свидетельствует рассказ о его беседе с Лао-цзы, сохраненный для нас историком Сымой Цянем; Конфуций признавал, что он не был “рожден в знании”, то есть не достиг знания par exellence, которое принадлежит уровню чистой метафизики и которым, как мы об этом говорили выше, обладают собственно, в силу своей природы, носители истинного духовного владычества.[67]

Кроме ошибочного рассмотрения духовного и светского как просто соотносительных понятий, существует еще одна, гораздо более серьезная ошибка, которая состоит в попытке подчинить духовное светскому, то есть, иными словами, подчинить знание действию; эта ошибка, полностью опрокидывающая естественные отношения, соответствует тенденции современного западного мира и обусловлена, очевидным образом, интеллектуальным упадком, приближающимся к своему завершению. Впрочем, в наши дни многие заходят в этом отношении еще дальше, вплоть до полного отрицания значимости знания как такового и, как следствие, поскольку речь идет о взаимосвязанных вещах, до полного и очевидного отрицания любого духовного владычества; эта последняя степень вырождения, ставшая следствием превосходства низших каст, является одним из наиболее характерных признаков последней фазы Кали-Юги. Если рассматривать, в частности, религию, поскольку она является специфической формой, которую принимает духовное в западном мире, опрокидывание связей может быть выражено следующим образом: вместо того, чтобы рассматривать социальный уровень как целиком происходящий из религии, ей подчиненный и находящий в ней свой принцип, как это было в Христианстве в средние века и как это есть сейчас в Исламе, который можно было бы сравнить, по крайней мере в этом отношении, с Христианством, сегодня в религии хотят видеть лишь только один из множества элементов социального уровня; тем самым духовное порабощается или даже поглощается светским, что ведет к полному отрицанию духовного, то есть к его неизбежному концу. На самом деле, подобное рассмотрение вещей обязательно приводит к “гуманизации” религии, в данном случае под этим термином мы подразумеваем обращение с религией как с фактом собственно человеческим, принадлежащим к социальному или, лучше, “социологическому” уровню для одних и психологическому — для других; по правде говоря, это, собственно, уже не

религия, поскольку истинная религия всегда несет в себе нечто “сверхчеловеческое”, утрата которого выводит нас за рамки области духовного, поскольку, в реальности, светское и человеческое по сути идентичны, как мы уже объяснили это выше; именно это неявное отрицание религии и духовного, какими бы ни были его проявления, действует таким образом, что явное и бесспорное отрицание будет уже не столько установлением нового положения вещей, сколько признанием свершившегося факта. Таким образом, нарушение отношений светского и духовного напрямую подготавливает и несет в себе, по крайней мере потенциально, отмену высшего порядка, так же как восстание Кшатриев против владычества Брахманов подготавливает и, так сказать, предопределяет приход к власти низших каст; те, кто следовал за нами в данных рассуждениях, без труда поймут, что это сближение представляет собой нечто большее, чем простое сравнение.

Глава 6

Практически у всех народов в разные исторические эпохи, и наиболее часто по мере приближения к нашему времени, носители светской власти стремились, как мы уже сказали, освободиться от любого высшего владычества, претендуя на то, что источник их власти заключен в них самих, а также полностью разделить, если не подчинить, духовное светскому. В этом “неповиновении”, если брать этимологический смысл слова, существует несколько подуровней, последние из которых, как мы указали на это в предыдущей главе, наиболее бросаются в глаза; положение особенно обострилось в современную эпоху, нам кажется, что никогда еще раньше соответствующие концепции не были настолько объединены с общим менталитетом, как это происходит в последнее время. По этому поводу, в частности, можно напомнить еще раз то, что мы говорили об “индивидуализме”, рассматривая его как характерную черту современного мира:[68] функция духовного владычества является единственной, связанной с над-индивидуальной областью; как только перестает признаваться это владычество, тут же логически появляется индивидуализм, по крайней мере как тенденция, если не как вполне определенное утверждение,[69] поскольку все остальные социальные функции, начиная с “правительственной”, принадлежащей светской власти, представляют собой явления собственно человеческого уровня, а сам индивидуализм это не что иное, как сведение целой цивилизации до уровня отдельных человеческих элементов. Равным образом, как мы указали выше, обстоит дело с “натурализмом”: только духовное владычество, ибо оно связано с метафизическим и трансцендентным знанием, обладает истинно “сверхъестественным” характером; все же остальное принадлежит к естественному, или “физическому”, уровню, как мы отмечали это, говоря о типе знания, которое во всех традиционных цивилизациях является уделом Кшатриев. Кроме того, индивидуализм и натурализм достаточно тесно связаны, поскольку, в сущности, они представляют собой лишь два аспекта, которые, соответственно, принимает одна и та же вещь, в зависимости от того, рассматривается ли она по отношению к человеку или по отношению к миру; обобщая, можно отметить, что “натуралистические” или антиметафизические учения появляются в тот момент, когда элемент, представляющий светскую власть, получает в цивилизации преимущество

над элементом, который представляет духовное владычество; мы в скором времени приведем этому пример, заимствованный из истории Буддизма.[70]

На самом деле, в той же Индии Кшатриев в какой-то момент перестало удовлетворять второстепенное положение, которое они занимали в иерархии социальных функций, хотя это положение подразумевало исполнение всей внешней видимой власти; они восстали против духовного владычества Брахманов и захотели избавиться от любого рода зависимости от них. Тем самым история дала исчерпывающее подтверждение всему тому, о чем мы говорили выше: светская власть начинает саморазрушаться с момента непризнания своей подчиненности духовному владычеству, поскольку, как все, что принадлежит миру изменения, она не является самодостаточной, ибо любое изменение немыслимо и противоречиво без некоего незыблемого принципа. Любая концепция, которая отрицает незыблемое, помещая человека полностью в «будущее», неизбежно заключает в себе элемент противоречия; подобная концепция является в высшей степени антиметафизической, поскольку область метафизики это собственно область незыблемого, то есть того, что находится вне природы и «будущего»; подобную концепцию можно было бы также назвать «временной», подчеркнув тем самым, что она основана исключительно на точке зрения преемственности; более того, необходимо отметить, что само слово «временный», применяемое по отношению к власти, служит для того, чтобы указать на тот факт, что эта власть не распространяется за рамки мира преемственности, то есть всего, что подвержено изменению. Современные «эволюционистские» теории в их различных вариантах не являются единственным примером данного заблуждения, заключающегося в том, что любая реальность всегда рассматривается по отношению к будущему, хотя они вносят некоторый специфический элемент, выдвигая идею «прогресса»; теории подобного рода существовали еще в античности, например в Древней Греции, то же самое относится и к Буддизму.[71] Так, в Индии Буддизм стал одним из основных проявлений восстания Кшатриев наравне с предшествовавшим ему, хотя и не столь широко распространенным, Яинизмом, с которым Буддизм имеет много общего, что легко объясняется их историческими связями.[72] Известно, что Шакья-Муни, основатель Буддизма, принадлежал к касте Кшатриев, однако похоже, что никому даже не приходило в голову сделать из этого надлежащие выводы. На самом деле, нельзя понять истинный характер этого гетеродоксального учения, не принимая во внимание данный факт. Действительно, все вышесказанное позволяет увидеть совершенно прямую

связь, существующую между отрицанием любого незыблемого принципа и отрицанием духовного владычества, между сведением любой реальности к «будущему» и утверждением превосходства Кшатриев; необходимо добавить, что подчиняя существо целиком изменению, тем самым его сводят к индивидууму, ибо все то, что позволяет подняться над индивидуальностью и является трансцендентным по отношению к ней, представляет собой лишь недвижимый принцип существа, который категорически отрицается Буддизмом; таким образом, достаточно четко проявляется солидарность в этом вопросе натурализма и индивидуализма, о которой мы не так давно говорили.[73]

Итак, восстание переросло свою цель, однако Кшатрии были не в состоянии остановить движение, развязанное ими, в тот момент, из которого можно было бы извлечь наибольшую выгоду, чем, в свою очередь, и воспользовались низшие касты; данная ситуация легко объяснима: вступив на наклонную поверхность, невозможно не пройти по ней до конца. Буддизм был учением не только революционным как социально, так и интеллектуально, но и истинно анархичным, поскольку дошел до полного отрицания различия каст как основы любого социального традиционного порядка; идея отрицания, направленная в первую очередь против Брахманов, не замедлила обернуться против самих же Кшатриев. В самом деле, отрицание принципа иерархического деления общества делает невозможным для отдельно взятой касты сохранение превосходства над другими кастами, поскольку исчезают основания для подобных притязаний с ее стороны; в этих условиях кто угодно может претендовать на обладание равными, если не большими, правами на власть в том случае, если он обладает силой, достаточной для ее захвата и дальнейшего использования; и тот факт, что данный вопрос начинает решаться лишь наличием или отсутствием чисто физической силы, является бесспорным указанием на то, что физическая сила неизбежно должна в высшей степени присутствовать в элементах, которые одновременно наиболее многочисленны и, в силу выполняемых ими функций, наиболее далеки от какого бы то ни было серьезного отношения к вопросам духовности. Таким образом, отрицание кастового деления открывает дверь любого рода узурпации; разве не возгордились представители низшей касты, Шудры, своей силой и не поспешили установить владычество, пусть и достаточно краткое, династии Maurya? Основатель этой династии — Шандрагупта — по происхождению принадлежал к Шудрам; он сам и его сын Биндушара, казалось, были прежде всего приверженцами Яинизма; однако следовавший за ними Ашока, который распространил свое владычество на

территорию всей Индии, придерживался уже канонов Буддизма, получившего более широкое распространение. Таким образом, логика развития событий привела к "ответному удару" — Кшатрии утратили власть, которая до сих пор принадлежала им на законных основаниях, ими же самими и попранных.[74]

Тут же необходимо добавить, что конец этой истории еще раз показывает, что триумф беспоряка не может длиться вечно: династия Maurya не пережила Ашоку; будучи всего лишь творением одного человека и не поддерживаемая ни одной реальной традиционной силой, способной гарантировать ее постоянство, по крайней мере относительное, эта династия была эфемерной, как, собственно, все, что не отражает ничего высшего в индивидуальном. Что же касается Буддизма, то после падения власти Ашоки, на время правления которого пришелся его расцвет, влияние Буддизма очень быстро свелось практически к нулю; более того, вряд ли стоит говорить, что даже в эту эпоху наивысшего расцвета влияние Буддизма распространялось далеко не на всю Индию, как часто принято считать на Западе, где охотно преувеличивают важность этого гетеродоксального учения, возможно, в силу более или менее осознанной симпатии к его основным тенденциям.

По прошествии нескольких веков Буддизм был полностью вытеснен из страны, ставшей его колыбелью, он исчез, оставив после себя лишь покинутые храмы;[75] одним лишь усилием традиционного разума Индия вновь возвращается к брахманизму; таким образом, с доктринальной точки зрения, последнее слово осталось за ортодоксальной силой, а с точки зрения социальной — за духовным владычеством. Что же касается других стран, в которых Буддизм получил распространение, то на их территории он смог удержать свои позиции лишь видоизменившись почти до неузнаваемости и в каком-то смысле утратив свой гетеродоксальный характер; это «исправление» произошло вследствие замены ряда собственно буддистских форм традиционными элементами, и в некоторых случаях, как, например, на Тибете, происхождение этих элементов было именно брахманическое: бесспорно, судьба сыграла странную шутку с учением, порожденным антитрадиционной и антибрахманической революцией, и этот факт еще раз доказывает, что в мире нет силы, которая в итоге оказалась бы выше истины.

С другой стороны, события, о которых мы только что рассказали, напоминают еще об одной достойной внимания вещи: за всю историю Индии было предпринято лишь три попытки ее политического

объединения и все три были «не-индийскими» по своей сути. Первая попытки принадлежала Ашоке, который опирался на Буддизм, две остальные представляли собой иностранное вмешательство: монгольской империи — в древности и Англии — уже в наше время. Эти три попытки объединяло абсолютное непонимание истинной природы индийского единства, которое в первую очередь является единством традиционным, то есть духовным и вневременным, и в силу этого гораздо более реальным, действенным и стабильным, чем внешнее единство, навязываемое «централизованными» правительствами. Это также еще раз говорит о том, что временная «централизация» в рамках какой-то цивилизации является, как правило, следствием конфронтации с духовным владычеством, влияние которого пытается нейтрализовать, заменяя его своим, светская власть; подобная ситуация сложилась в свое время и в Европе в связи с конституцией «национальностей»: вот почему «феодальная» форма, в рамках которой Кшатрии могут наиболее полно осуществлять свои естественные социальные функции, является в то же время и наиболее подходящей формой для регулярных организаций любой традиционной цивилизации.

Глава 7

Иногда говорят, что история повторяется. На наш взгляд это в корне ошибочное мнение, ибо в мире нет ни двух людей, ни двух событий, которые были бы абсолютно идентичны — в противном случае, совпадая во всех отношениях, они настолько сливаются, что в итоге перед нами предстают не два отдельных, а одно и то же событие, не два различных, а один и тот же человек.[76] Повторяемость идентичных возможностей заключает в себе некое противоречие, а именно идею об ограниченности всеобщей и универсальной возможности, которая, как мы уже самым подробным образом объяснили ранее,[77] позволяет опровергать такие теории, как теория «реинкарнации» и «вечного возвращения». Существует также прямо противоположное, хотя и не менее ошибочное мнение, согласно которому все исторические факты рассматриваются как не имеющие ничего общего и абсолютно не схожие между собой. Истина как обычно находится где-то посередине: всегда есть сходство в одном отношении и отличие в другом. Равно как и в природе, во всех областях жизни существуют некие типы, другими словами, некие явления, которые являются выражением одного и того же закона в разных обстоятельствах. Именно поэтому встречаются сходные ситуации, которые, если, отбросив различия, принимать во внимание лишь моменты сходства, могут вызвать иллюзию повторения. В действительности различные исторические периоды ни при каких условиях не могут быть идентичными, между ними, как собственно и между космическими циклами или же человеческими состояниями, можно лишь находить сходство или же проводить аналогии; и как отдельные люди в силу определенного «набора» модальностей, свойственного их природе, так и целые народы и цивилизации могут проходить через сходные этапы развития.

Таким образом, как мы уже отмечали выше, несмотря на очень большие различия можно найти бесспорное сходство (что возможно еще никогда не делалось) между социальным устройством Индии и социальным укладом средневекового Запада. Между кастами в Индии и классами на Западе существует отнюдь не полное совпадение, а лишь сходство, которое тем не менее является очень важным, поскольку оно с полным на то основанием может служить доказательством того, что все истинно традиционные социальные институты, имеют одну и ту же основу и различаются в

сущности лишь внешними признаками, появляющимися в процессе адаптации к определенным условиям времени и места. Однако, просим отметить, что вышесказанное отнюдь не подразумевает того, что мы придерживаемся теории, согласно которой в ту эпоху произошло полное заимствование Западом индийских традиций, что само по себе представляется маловероятным; мы лишь хотим сказать, что на лицо факт двойного приложения одного и того же принципа, и, в сущности, лишь это имеет значение, по крайней мере, с той точки зрения, которую мы изложили выше. Тем самым мы еще раз возвращаемся к вопросу об общем источнике, искать который имеет смысл лишь обратившись к далекому прошлому. Этот вопрос имеет прямое отношение к вопросу о связи и последовательности различных традиционных форм, начиная с великой первоначальной традиции, и представляет собой, как это не трудно понять, очень сложную и многогранную проблему. Мы указываем здесь на такую возможность лишь потому, что не думаем, что можно найти объяснение столь полному сходству вне последовательной и регулярной передачи традиции, а также потому, что в период средневековья мы встречаем множество других сходных черт, ясно указывающих на то, что в то время на Западе еще существовала тесная связь, очевидная, по крайней мере, для некоторых, с истинным "центром мира", единым источником всех ортодоксальных традиций, которая к сожалению, была утрачена в современную эпоху.

В европейской истории, начиная со средних веков, мы также находим аналогии восстанию Кшатриев. Наиболее четко это проявляется во Франции, где начиная с Филиппа Красивого (которого без сомнений можно считать одним из первых «авторов» искажения традиции, характерного для современной эпохи), королевская власть стремится к независимости от духовного владычества, сохраняя чисто внешне видимость изначальной подчиненности, примером чего, в частности, является процедура коронации. «Законники» Филиппа Красивого были уже задолго до «гуманистов» эпохи Возрождения истинными предтечами «секуляризации». Именно в эту эпоху, то есть в начале XIV века, происходит разрыв западного мира с истинной традицией. В силу различных причин, перечисление которых заняло бы сейчас слишком много времени и которые, собственно, были уже изложены нами ранее,[78] мы считаем, что именно гибель ордена Тамплиеров стала отправной точкой этого разрыва. Напомним только, что именно тамплиеры служили связующим звеном между Западом и Востоком; на Западе же, в силу своего двойственного религиозно-военного характера, орден Тамплиеров стал

средством единения светского и духовного начал, более глобально эту двойственность можно рассматривать как знак максимальной близости к общему источнику двух властей.[79] Можно, конечно, попытаться возразить, что этот разрыв, вершившийся по воле короля, был реализован, по крайней мере, с согласия Папства; на самом же деле, он был навязан Папству, что отнюдь не одно и то же. Таким образом, нарушив естественные связи, светская власть начинает с этого момента заменять собой власть духовную, стремясь к политическому единовластию. Без сомнения нам могут возразить, что сам факт того, что духовная власть допустила свое подчинение власти светской доказывает то, что она уже была не способна занимать господствующее положение, а ее представители уже не осознавали в полной мере ее трансцендентный характер. Подобное замечание без сомнения справедливо и именно этим объясняются и оправдываются грубые, иногда доходящие до оскорблений, нападки, которые позволял себе высказывать в отношении церкви в ту эпоху Данте. Однако, как бы то ни было, духовная власть тем не менее продолжает находиться над властью светской, давая некое оправдание законности последней. Представители светской власти как таковые были не в состоянии определить, насколько духовная власть, соответствовавшая определенной традиционной форме, к которой они принадлежали, обладала ее полнотой; они были не способны к этому уже по определению, в силу которого их власть была ограничена внешней сферой; но какова бы ни была эта власть, не признавая данную субординацию, они тем самым ставили под вопрос законность своего собственного положения. Кроме того, необходимо проводить очень четкое разграничение между вопросом о том, что представляет собой духовная власть в тот или иной момент, и вопросом о ее отношениях с властью светской. Второй вопрос совершенно не связан с первым, имеющим отношение лишь к тем, кто выполняет или же призван выполнять функции духовного порядка. И даже если эта власть в результате ошибки своих представителей окончательно утратила «дух» своего учения, тот факт, что она продолжает сохранять «букву» и внешние формы этой доктрины дает ей необходимые и достаточные основания для утверждения своего владычества над властью светской,[80] ибо это превосходство связано с самой сущностью духовной власти и принадлежит ей до тех пор, пока она продолжает существовать, пусть даже и в значительной степени ослабленная, ибо даже малейшая частичка духовности несравненно превосходит все относящееся к светскому порядку. Из этого следует, что духовная власть может и должна всегда

контролировать власть светскую, не будучи сама контролируема ничем, во всяком случае ничем, принадлежащим к внешнему уровню.[81] И пусть данное заявление покажется шокирующим большинству наших современников, мы ни минуты не сомневаясь повторяем, что это бесспорная и окончательная истина.[82]

Однако, вернемся к Филиппу Красивому, которого мы использовали в качестве наглядного примера для объяснения наших мыслей. Необходимо отметить, что Данте объяснял все его действия «алчностью»,[83] то есть качеством, которое является пороком отнюдь не Кшатриев, а касты Вайшья; таким образом можно предположить, что с самого первого момента восстания Кшатриев, они в каком-то смысле деградируют и принимают характерные черты низшей касты, теряя при этом свои собственные.[84] Можно также добавить, что эта деградация неизбежно сопровождается потерей законности власти: поскольку Кшатрии по собственной вине лишаются своего естественного права исполнения светской власти, они перестают быть истинными Кшатриями, а именно, новый статус делает их неспособными к выполнению функций, предназначенных им изначально. Как только короля перестает устраивать его положение первого из Кшатриев, предводителя всей знати, а также свойственная этому положению роль «распорядителя», он теряет свою основу и в то же время ставит себя в оппозицию знати, проявлением и наиболее законченным выражением которой он, собственно, и является. Таким образом, чтобы сосредоточить и объединить в одних руках все полномочия, принадлежащие дворянству в целом, королевская власть вступает в упорную борьбу с последним, делая все возможное, чтобы разрушить феодальную систему, порождением которой сама же и является; опору и поддержку в этом процессе королевская власть находит у третьего сословия, соответствующего касте Вайшья. Именно поэтому, начиная с Филиппа Красивого, французские короли практически постоянно окружают себя представителями буржуазии, в частности, Людовик XI и Людовик XIV, которые наиболее далеко продвинулись в этом процессе, чем и воспользовалась буржуазия, разделившая королевскую власть после Революции.

Ранее мы уже говорили о том, что феодальная форма правления, примером которой могут служить средневековые государства, представляется нам наиболее подходящей для структуры всех традиционных цивилизаций. Современная эпоха, которую можно без сомнения назвать эпохой полного разрыва с традицией, с политической

точки зрения характеризуется заменой феодальной системы на систему национальную; и именно процесс «централизации» власти в XIV веке, о котором мы только что говорили, стал началом образования «национальностей». Есть все основания утверждать, что образование, в частности, «французской нации» было результатом деятельности королевской власти, которая, сама того не сознавая, готовила тем самым собственное падение;[85] следовательно, основная причина того, что Франция стала первой европейской державой, в которой была свергнута королевская власть, заключается в том, что именно во Франции начался процесс «национализации». Кроме того, едва ли стоит напоминать насколько сама французская революция была «националистской» и как яростно стремилась она к «централизации» власти, а также, как умело был использован в собственно революционных целях так называемый «принцип национальностей»;[86] таким образом, мы обнаруживаем в идее «национализма» очень странное противоречие, на которое сегодня старательно указывают некоторые явные сторонники Революции и ее последствий. Для нас же в данном вопросе больший интерес представляет следующее: образование «национальностей», в сущности, это лишь один из эпизодов борьбы светской и духовной власти; если же более глубоко разобраться в этих вещах, то становится совершенно очевидным, что эта борьба, в ходе которой королевская власть, как казалось, реализовывала свои амбиции, стала для нее фатальной и привела к полному поражению.[87]

Сложившийся политический союз, впрочем лишь чисто внешний, является наглядным примером незнания, если даже не отрицания, тех единственных духовных принципов, посредством которых возможно истинное и глубокое объединение общества; «национальности» являются лишь подтверждением того, что в рамках западного мира действуют те же самые законы, о которых мы уже говорили на примере Индии в конце предыдущей главы. В средние века Запад представлял собой истинное единство, основанное на собственно традиционном принципе, а именно, на «Христианстве»; появление вторичных единств, основанных уже не на духовном, а чисто политическом уровне, которыми являлись нации, немедленно привело к разрушению великого единства Запада, а также стало концом действенного существования «Христианства». Нации, которые по сути явились лишь рассеянными фрагментами бывшего «христианского мира», ложными единствами, заменившими истинное единство из-за стремления светской власти к абсолютному владычеству,

могли, уже в силу условий своего появления, существовать лишь в постоянном противопоставлении друг другу, в бесконечной междоусобной борьбе на всех территориях.[88] Дух это единство, материя — множественность и разделенность, поэтому чем больше мы удаляемся от духовности, тем больше обостряются и усиливаются противоречия. Мы уверены, что никто не осмелится возражать против того, что феодальные войны, строго локализованные и, в каком-то смысле, ограничиваемые силой духовной власти, не идут ни в какое сравнение с национальными войнами, которые вместе с Революцией и Империей привели к «вооружению наций»,[89] усилившемуся в наши дни, что заставляет с большим сомнением смотреть в будущее.

С другой стороны, образование «национальностей» сделало реальными попытки подчинения духовного светскому, полностью опрокинув иерархические связи двух властей; наиболее четкое выражение этому подчинению мы находим в идее «национальной» Церкви, то есть Церкви, подчиненной государству и ограниченной его пределами. Более того, сам термин «государственная религия», если отбросить намеренную внешнюю двусмысленность, означает, в сущности, лишь одно: это религия, которую светское правительство использует как средство утверждения своего господства, религия, низведенная до уровня явления социального порядка.[90] Идея «национальной» Церкви впервые появилась в протестантских странах или, правильнее сказать, Протестантизм был создан именно с целью воплощения этой идеи. На наш взгляд кажется очевидным, что Лютер был не более чем (во всяком случае с политической точки зрения) инструментом в руках ряда амбициозных немецких правителей, и более чем вероятно, что без этого, даже если бы выступление против Рима имело место, последствия его были бы столь же ничтожны, как и последствия отдельных случаев неповиновения, забывавшихся буквально на следующий день. Реформа стала наиболее ощутимым симптомом крушения духовного единства «Христианства», однако, отнюдь не с нее начал, следуя выражению Жозефа де Местра, «раздираться нешвенный хитон»; к тому времени крушение стало уже давно свершившимся фактом, поскольку, как мы уже сказали, истоки его надо искать на два века раньше. Аналогичное замечание можно сделать и по поводу Возрождения, по времени — и это не случайно — практически совпавшего с Реформой, которое привело к потере почти всех традиционных знаний средневековья. Протестантизм в Европе, как, впрочем, и Буддизм в Индии были с этой точки зрения не началом, а скорее концом распада; можно также отметить, что несмотря на

принадлежность различным точкам зрения в силу различия цивилизаций, их породивших, Протестантизм по отношению к Католицизму представляет собой абсолютно то же самое, что и Буддизм по отношению к Брахманизму, как первая, так и вторая религии носят собственно негативный и антитрадиционный характер. Эту параллель можно продолжить: в реальности, как мы только что сказали, Протестантизм был порождением отдельных монархов, которые использовали его в своих политических целях, и без влияния которых его значимость была бы очень сильно ограничена; Протестантизм упразднил духовенство, Буддизм оттеснил Брахманов; индивидуалистические тенденции, заложенные в Протестантизме, расчистили путь разного рода демократическим и эгалитарным концепциям, Буддизм привел к отрицанию каст… нам кажется, что при желании довольно несложно найти и другие точки соприкосновения.[91] Возвращаясь к вопросу о подчинении религии Государству в той форме, о которой мы только что говорили, отметим, что было бы ошибкой думать, что подобных примеров не существует за пределами Протестантизма:[92] галликанство Людовика XIV был по сути точно такой же, но менее удачной попыткой учреждения «национальной» Церкви, как и англиканский шиизм Генриха VIII, и если бы она увенчалась успехом, то связь с Римом, практически полностью подчиненная влиянию политических сил, без сомнения осталась бы только в теории; в этом случае ситуация во Франции ничем не отличалась бы от ситуации в Англии, при условии, что в последней партия «ритуалистов» англиканской церкви окончательно укрепила бы свою власть.[93] Протестантизм в его различных формах повсеместно довел ситуацию до предела. В странах, где он укоренился, королевская власть утратила свое «божественное право», то есть, с одной стороны, единственное реальное основание законности власти, а с другой, единственный гарант ее стабильности. Однако, все вышесказанное наводит также на мысль, что несмотря на отсутствие ярко выраженного разрыва с духовной властью французское королевство пришло примерно к тем же самым результатам, и более того, стало первым, вступившим на этот путь. Сторонники Протестантизма похоже не задумываются о последствиях, к которым это привело, а главное, не могло не привести. Истина же заключается в том, королевство, даже неосознанно открывшее путь Революции, тем самым вступает на путь саморазрушения, с которого уже невозможно свернуть. Напомним еще раз как в Индии восставшие Кшатрии, показали своим примером путь Вайшья и Шудрам, которыми и были впоследствии свергнуты. В действительности, во всем

западном мире буржуазия добилась разделения власти, которая была до этого незаконно узурпирована монархией; теперь уже не важно, свергла ли буржуазия в дальнейшем монархию, как это произошло во Франции, или же допустила ее номинальное существование, как в Англии, результат одинаков в обоих случаях — триумф «экономики» и открытое провозглашение ее превосходства. Однако, погружение в материальный мир характеризуется все возрастающей нестабильностью, и возникает вопрос, не будет ли власть буржуазии столь же кратковременна, как и режим, ей предшествовавший, не придут ли (узурпация есть узурпация) за Вайшья Шудры, возжелавшие власти, и не в этом ли находятся истоки большевизма? Мы не хотим выступать в роли пророка, однако из всего вышесказанного нетрудно сделать вполне определенные выводы: приход к власти тем или иным способом низших слоев общества (а их владычество будет несомненно самым коротким из всех) является, поскольку ниже опуститься уже невозможно, указанием на последнюю фазу определенного космического цикла; и даже если этот процесс не будет повсеместным, для Запада, по крайней мере, он станет концом современного периода.

В данной работе мы высказали лишь идеи, которые дают широкий простор для их практически бесконечного углубления, для поиска конкретных фактов, еще раз подтверждающих изложенные здесь общие принципы:[94] нам кажется, что идея об ответственности королевской власти за современный беспорядок, а также первое упоминание о связях духовного и светского должны заинтересовать многих историков. Что касается нас, то мы хотели бы лишь дать идеи в некоем синтетическом изложении, нас привлекает движение истории в целом, а не конкретные события, являющиеся ее проявлением.

Глава 8

Как мы уже говорили, политическая структура средневекового «Христианства» была по своей сути феодальной; вершиной данной структуры (реальной вершиной для временного уровня) был император, который являлся по отношению к царям тем же, чем они, в свою очередь, являлись по отношению к вассалам. Однако необходимо отметить, что данная концепция Священной Империи осталась в некотором смысле теорией и не была никогда целиком и полностью реализована, вероятно это произошло по вине самих императоров, которые, будучи введенными в заблуждение, первыми подвергли сомнению свое подчиненное положение по отношению к духовному владычеству, единственному источнику своей власти.[95] Именно с этого момента начался процесс, который принято называть раздором между Папством и Империей, многочисленные последствия которого настолько хорошо известны, что нет нужды даже коротко упоминать здесь о них, тем более, что детальное изложение этих фактов не связано с основными целями нашей работы. Гораздо более интересная на наш взгляд задача — это понять, что же все-таки представляла собой фигура Императора, и кто из них первым совершил ошибку, приняв относительное превосходство за превосходство абсолютное.

Разделение сфер влияния Папства и Империи проистекает в некоторой степени из разделения властей, которые в Древнем Риме были объединены в одном человеке, поскольку Император в то же самое время являлся Pontifex Maximus;[96] однако мы не будем сейчас искать объяснений данному факту объединения духовной и светской сфер в едином лице, поскольку эта тема требует более серьезных исследований.[97] Как бы то ни было, Папа и Император представляли собой не столько «две половины Бога», по выражению Виктора Гюго, но, в большей степени, две половины того самого Христа-Януса, которого обычно изображали с ключом в одной руке и скипетром — в другой, то есть, с эмблемами, соответственно, духовной и светской власти, объединенных в нем как в некоем едином принципе.[98] Это символическое слияние Христа и Януса в высший принцип двух властей является достаточно серьезным показателем определенной преемственности традиции, которую очень часто упускают из виду или же просто намеренно отрицают, между Древним Римом и

Римом христианским; также нельзя забывать, что в средние века Империя была собственно «римской», равно как и Папство. Однако одностороннее рассмотрение этого изображения может привести и к достаточно серьезной ошибке, на которую мы собираемся сейчас указать, и которая, по всей вероятности, стала фатальной для Империи. В сущности, она состоит в том, что две половины Януса рассматривались как эквивалентные — каковыми они действительно кажутся на первый взгляд, однако не являются в реальности (добавим, и не могут являться, поскольку представляют собой духовное и светское). Другими словами, ошибка состояла в том, что связь двух властей определялась на уровне согласования, тогда как на самом деле это были отношения субординации, поскольку с самого момента разделения властей было ясно, что первая из них проистекает напрямую от высшего принципа, вторая же имеет к нему лишь опосредованное отношение. В предыдущих главах мы посвятили достаточно много времени этой теме, чтобы не останавливаться на ней сейчас.

В заключительной части своей работы «О монархии» Данте очень четко определяет соответствующие атрибуты Папы и Императора. Мы хотели бы процитировать небольшой, но очень важный отрывок из этой работы: «Божественное провидение дает человеку возможность двух путей: наслаждение этой жизнью, состоящее в исполнении собственной добродетели, то есть — Рай Земной, и наслаждение вечной жизнью, состоящее в лицезрении Бога, до которого человеческая добродетель может возвыситься лишь с помощью божественного света, то есть — Рай Небесный. Два этих пути достигаются различными средствами: к первому человек приходит через философские размышления (или изучение философии), с обязательным условием, что при этом он следует интеллектуальным и моральным добродетелям; ко второму человек приходит через постижение знаний духовных, знаний, превышающих человеческий разум, и основное условие при этом — соблюдение христианских добродетелей, Веры, Надежды, Милосердия. К осознанию этих двух путей и средств их достижения мы приходим соответственно с помощью человеческого разума, раскрывающегося нам в работах философов, и посредством Святого Духа, несущего нам высшую истину, а также через сына божьего Иисуса Христа и его учеников; однако, человечество рискует утратить их окончательно, если не будет обуздано подобно табуну диких лошадей. Именно в силу существования двух возможных путей, человеку было необходимо наличие двух направляющих сил, каковыми, по сути, являются, Папа, который, направляемый

божественным откровением, повел бы человеческий род к вечной жизни, и Император, который, руководствуясь философскими знаниями, повел бы его к земному процветанию. Но поскольку этой цели не может достигнуть никто или разве что малое число людей ценою величайших трудностей и род человеческий не успокоится до тех пор, пока не смирит свою ненасытную алчность, таковым стремлением должен быть озабочен прежде всего тот, кто царит на земле, владыка римский: да живем мы свободно и мирно в нашей скромной обители смертных».[99]

Для правильного понимания данного отрывка потребуются некоторые комментарии, поскольку ошибка здесь недопустима: под внешне чисто теологическим языком скрывается истина, гораздо более глубокая, чем это может показаться на первый взгляд, впрочем, необходимо отметить, что такая манера изложения была характерна для Данте и для инициатических организаций, с которыми он был связан.[100] С другой стороны, обратим внимание на еще один любопытный момент: автора этих строк можно было бы назвать противником Папства — как мы упоминали выше, Данте разоблачал несовершенство и неудовлетворительное состояние Папства в современную ему эпоху, в частности, он говорил о несоответствии средств чисто временного плана, к которым слишком часто обращалась духовная власть, ее задачам; однако, он был достаточно умен, чтобы не вменять в вину целой организации ошибки людей, временно ее представляющих, что очень часто делают наши современники.[101]

Если вспомнить все, о чем мы говорили выше, нетрудно заметить, что различие, которое проводит Данте между двумя путями, данными человеку, полностью соответствует различию «малых тайн» и «больших тайн», а следственно, различию «царской инициации» и «инициации духовной». Влияние Императора распространяется на «малые тайны», соответствующие «Земному Раю», или, другими словами, достижению совершенства человеческой природы,[102] влияние Папы распространяется на «большие тайны», соответствующие «Небесному Раю», или же достижению сверх-человеческого уровня, связанного с человеческим состоянием лишь «папскими», в строго этимологическом смысле этого слова, функциями.[103] Очевидно, что человек, будучи собственно человеком, в состоянии самостоятельно достигнуть лишь первой из этих двух целей, которую можно назвать «естественной», тогда как вторая является чисто «сверхестественной», поскольку выходит за рамки проявленного мира; это различие соответствует различию «физического» и «метафизического» уровней. В этом проявляется предельно четко связь

всех традиций, как западных, так и восточных: говоря о соответственных атрибутах Кшатриев и Брахманов, мы с полным на то основанием не ограничивались их рассмотрением в приложении к определенной форме цивилизации, а именно, цивилизации Индии, поскольку подобные вещи можно без труда найти в цивилизациях западного мира (разумеется, в той форме, в которой они существовали до современного падения). Таким образом, Данте определяет основную функцию Императора и Папы как направление человечества к «Раю земному» и «Раю небесному», и, соответственно, первый действует согласно «философии», второй — согласно «Откровению»; оба этих термина нуждаются в тщательном объяснении. Само собой разумеется, что в данном случае нельзя понимать слово «философия» в его обычном, «профаническом» смысле, поскольку в этом случае, она совершенно очевидно не смогла бы играть роль, ей предназначенную. Чтобы понять, о чем в действительности идет речь, необходимо восстановить первоначальное значение слова «философия» в понимании Пифагорейцев, которые, собственно, первыми ввели его в употребление. Как мы говорили раньше,[104] это слово, звучащее в переводе как «любовь к мудрости», этимологически обозначает изначальную предрасположенность к достижению мудрости, более упрощенно, оно обозначает поиск, который, порожденный этой предрасположенностью, должен привести к истинному знанию; таким образом, это всего лишь предварительный и подготовительный этап в продвижении к мудрости, равно как и «Рай Земной» — это лишь этап на пути, ведущем к «Раю Небесному». «Философия», понимаемая таким образом, представляет собой то, что при желании можно назвать «человеческой мудростью», поскольку она включает в себя комплекс всех знаний, которые может получить человек своими собственными силами, обобщенными Данте под понятием разум, который, собственно, и определяет человека как такового. Однако, эта «человеческая мудрость» уже в силу того, что она человеческая, не является истинной мудростью, которая представляет собой знание метафизическое и поистине сверх-рациональное и сверх-человеческое. Равным образом как путь, ведущий от «Рая Земного» к «Раю Небесному» покидает пределы земли, чтобы «salire alle stelle», как говорил Данте,[105] то есть, чтобы подняться к высшим состояниям, которые на языке астрологии обозначаются звездными и планетарными сферами, а на языке теологии — ангельской иерархией, так и индивидуальные способности человека оказываются недостаточными для достижения знания того, что превосходит состояние человека, и здесь уже требуются

иные средства: именно в этот момент необходимо вмешательство «Откровения», которое является прямым сообщением с высшими состояниями, которое, как мы уже говорили выше, наиболее полно достигается «понтификатом». Возможность этого «Откровения» основана на существовании способностей, трансцендентных по отношению к человеку: и как бы мы их не называли — «интеллектуальная интуиция» или «вдохновение» — по сути это одна и та же вещь, с той лишь разницей, что первый из двух терминов заставляет вспомнить об ангельском состоянии, которое по сути идентично сверх-индивидуальному состоянию человека, второе же напоминает о воздействии Святого Духа, о котором не раз упоминал Данте.[106] Можно также сказать, что то внутреннее «вдохновение» человека, получившего его напрямую, становится внешним «Откровением» для тех, кому он его передает в той степени, насколько это только возможно, другими словами, в той степени, насколько это возможно выразить. К сожалению, мы лишь кратко и, может быть, слишком упрощенно коснулись целого комплекса проблем, серьезное и полное рассмотрение которых выходит за рамки нашей работы; однако, вышесказанного вполне достаточно для достижения цели, стоящей перед нами в данный момент.

В таком смысле «Откровение» и «философия» соответствуют двум понятиям, которые в индуистском учении обозначаются как Шрути и Смрити;[107] еще раз необходимо подчеркнуть, что и в данном случае мы говорим лишь о сходстве, а не полном соответствии, поскольку все традиционные формы различны между собой в силу реального различия точек зрения на природу вещей. Шрути, включающее в себя все ведические тексты, является плодом прямого вдохновения, тогда как Смрити представляет собой комплекс различных его следствий и приложений, подчерпнутых с помощью размышлений; соотношение этих двух частей равнозначно соотношению интуитивного и рассудочного знания, первое из которых сверх-человеческое, тогда как второе собственно человеческое. Равным образом как сфера «Откровения» связана с Папством, а сфера «философии» — с Империей, так и Шрути полностью касается Брахманов, основное занятие которых — это изучение Веды, а Смрити, которое включает в себя Дхарма-Шастру или «Книгу Закона»,[108] то есть социальное приложение учения, касается в основном Кшатриев, для которых предназначена большая часть книг. Несомненно, что Шрути является основным принципом, из которого проистекают все остальные части учения, и его знание, то есть знание высших состояний, составляет

«большие тайны», тогда как знание Смрити, то есть знание приложений к «миру человека» (имеется в виду интегральное человеческое состояние), рассматриваемое в полном объеме всех возможностей, составляет «малые тайны».[109] Шрути — это прямой свет, который как чистый разум, являющийся в то же самое время чистой духовностью, соответствует солнцу, Смрити — это свет отраженный, который как память, представляющая собой уже в силу определения «временную» способность, соответствует луне;[110] именно поэтому ключ «больших тайн» золотой, а ключ «малых тайн» серебряный, ибо на алхимическом уровне золото и серебро являются точным соответствиями солнца и луны на уровне астрологическом. Эти два ключа древнеримского Януса являются атрибутами Папы, которому изначально предназначена роль «верховного жреца» или «властелина тайн»; вместе с титулом Pontifex Maximus эти ключи стали основными эмблемами Папства, а евангельские слова по поводу «власти ключей» лишний раз подтверждают связь с первоначальной традицией. Теперь становится еще более понятно, почему эти два ключа одновременно являются ключами духовной и светской власти; объяснить связь двух властей можно следующим образом: Папа оставляет себе золотой ключ от «Небесного Рая» и передает Императору серебряный ключ от «Рая Земного»; иногда в символических изображениях серебряный ключ заменяется скипетром, что еще раз подчеркивает его принадлежность королевской власти.[111]

Во всем вышесказанном есть один момент, на который необходимо обратить особое внимание, чтобы избежать даже малейшей видимости противоречия: с одной стороны, мы сказали, что метафизическое знание или истинная мудрость, представляет собой основной принцип, из которого проистекает любое другое знание как приложение к некой временной области, с другой стороны, мы сказали, что «философия» в изначальном смысле, а именно, как комплекс всех знаний временного плана, должна рассматриваться как подготовительный этап к достижению мудрости: итак, как же согласуются эти два вывода? Ранее мы уже давали пояснения по поводу двойной роли «традиционных наук»:[112] здесь существует две точки зрения — нисходящая и восходящая, первая из которых соответствует развитию знания от принципа к удаленным приложениям, а вторая — постепенному получению того же самого знания, в движении от низшего к высшему или же, если хотите, от внешнего к внутреннему. Вторая точка зрения соответствует пути, следуя которому люди могут достичь знания, разумеется в размере, соответствующем их

интеллектуальным способностям; таким образом, они сначала достигают «Земного Рая», а затем «Рая Небесного»; однако такой порядок обучения или общения с «сакральной наукой» противоположен порядку иерархической структуры. На самом деле, любое знание, обладающее характером «сакральной науки» в той или иной степени может быть создано лишь теми, кто, прежде всего, в полной мере владеет основным знанием и в силу этого способен реализовывать в строгом соответствии с традиционными канонами все адаптационные варианты, порождаемые особенностями места или времени; именно поэтому введение новых адаптационных вариантов — прерогатива духовенства, которому принадлежит основное знание; по той же причине только духовенство имеет законное право освящать «королевскую инициацию», посредством передачи составляющих ее знаний. Таким образом можно сделать еще один вывод: оба ключа — один к знанию «метафизического» порядка, другой к знанию «физического» порядка — в действительности принадлежат духовной власти, и только по поручению последней серебряный ключ может быть передан представителям королевской власти. На самом деле, «физическое» знание, отделенное от трансцендентного принципа, теряет свою основу и незамедлительно становится гетеродоксальным; как мы уже объясняли, именно таким образом появляются «натуралистические» учения — результат, к которому приходят восставшие Кшатрии, извращая «традиционные науки»; кроме того, это еще и движение к «науке профанической», которая становится «достижением» низших каст, а также показателем их преобладания на интеллектуальном уровне, если вообще в этом случае можно будет говорить о каком-то интеллекте. Здесь так же, как и на политическом уровне, восстание Кшатриев расчищает путь Вайшьям и Шудрам; и, соответственно, шаг за шагом происходит приближение к низшим ступеням утилитаризма, к полному отрицанию любого свободного знания, пусть даже знания низшего уровня, а также к отрицанию любой реальности, превосходящей мир ощущений. К сожалению, именно такую картину мы наблюдаем в современную эпоху, когда западный мир практически достиг последней ступени, и падение идет со все нарастающей силой.

В тексте «О монархии» Данте остается еще один момент, который мы хотели бы пояснить, и который в не меньшей степени заслуживает пояснения, чем все, что мы объясняли до сих пор: это достаточно частое употребление символики, связанной с навигацией, упоминание которой содержится в последней фразе.[113] Из символов, связанных с Янусом, Папство позаимствовало не только ключи, но и ладью, отныне

приписываемую святому Петру, и ставшую символом Церкви:[114] именно «римский» характер Папства объясняет необходимость усвоения этого символа, без чего он остался бы лишь незначительным географическим фактором.[115] Те, кто видит в этом факте лишь «заимствование», в котором можно было бы упрекнуть Католицизм, показывают тем самым лишь свой «профанический» менталитет; со своей стороны, мы, напротив, видим в этом факте доказательство существования традиционной регулярной передачи, без которой теряет свою основу любое учение, и которая восходит своими корнями к великой первоначальной традиции; мы абсолютно уверены, что ни один из тех, кто действительно понимает глубокий смысл этих символов, не сможет нам возразить. Символы, связанные с навигацией, очень часто употреблялись в античности: в качестве примера можно, в частности, привести плавание Аргонавтов за «Золотым Руном»,[116] приключения Одиссея, а также произведения Вергилия и Овидия. Этот образ встречается иногда и в индийской традиции, и мы уже имели возможность процитировать фразу, загадочным образом связанную с фразой Данте: «Йог — сказал Шанкарачарья — пересек море страстей, и слился с покоем, и обрел свою «самость» во всей ее полноте».[117] Совершенно очевидно, что «море страстей» это ни что иное, как «потоки алчности» у Данте; в обоих текстах параллельно ставится вопрос о «покое»: по сути, символическое плавание представляет собой завоевание «великого мира»,[118] который может проявляться двумя способами — через «Рай Земной» и «Рай Небесный»: в последнем случае он сливается со «светом славы» и «лицезрением блаженства», в первом — это собственно «мир», в самом широком, но отнюдь не «профаническом» смысле;[119] хотелось бы также отметить, что говоря о двух путях человека, Данте употребляет то же самое слово «блаженство». Ладья святого Петра должна перевезти человечество в «Рай Небесный», задача Императора — привести человечество к «Раю Земному», что, по сути, является тем же плаванием,[120] именно поэтому «Святая Земля» (то есть «Рай Земной») в разных традициях часто представляется в виде острова: по словам Данте задача тех, «кто правит на земле» — это достижение «мира»;[121] гавань, в которую они должны привести род человеческий — это «сакральный остров», непоколебимо стоящий среди беспрестанно бушующих волн, «Поклонная Гора», «Святилище Мира».[122]

На этом мы закончим объяснения, поскольку, на наш взгляд, всего вышесказанного было вполне достаточно, чтобы не возникло трудностей в

понимании данной символики, во всяком случае, в той мере, которая необходима для понимания роли Папства и Империи; кроме того, продолжив рассуждения на эту тему, мы затронули бы область, которую не хотели бы рассматривать в настоящий момент.[123] С нашей точки зрения этот отрывок из работы «О монархии» — наиболее четкое и полное в своей сознательной краткости изложение структуры «Христианства», а также законов, согласно которым должна рассматриваться связь двух властей. Без сомнения возникнет вопрос, почему эта концепция осталась лишь выражением так никогда и не реализованного идеала; по сути уже в тот момент, когда Данте ее сформулировал, события в Европе развивались таким образом, что ее реализация становилась абсолютно невозможной. С нашей точки зрения, работа Данте — это в некотором роде завещание уходящего средневековья; она показывает, каким мог быть западный мир, если бы не порвал связь с традицией; однако, тот факт, что отклонение все же свершилось, указывает на то, что, скорее всего, у этого мира не было иной возможности, или же знание этой возможности было достоянием весьма ограниченной элиты, которая, вероятно, реализовала ее в своих собственных целях, без какого бы то ни было внешнего выхода и влияния на социальные структуры. Именно с того момента начался наиболее темный период «темного века»,[124] характерной чертой которого стало развитие (на всех уровнях) низших возможностей, направленное в большей степени на изменение и множественность, которое неизбежно должно было привести к тому, что мы имеем сегодня: с социальной точки зрения (как, впрочем, и со всех остальных точек зрения) наша эпоха характеризуется нестабильностью, которая дошла практически до максимального предела, повсеместным беспорядком и раздором; никогда еще человечество не было столь далеко от «Земного Рая» и первоначальной духовности. Означает ли это, что отклонение приняло необратимый характер, что никогда больше законная и стабильная светская власть уже не восстановится на земле, что истинная духовная власть навсегда исчезла из этого мира и сумерки, идущие с Запада на Восток, покроют навсегда свет истины? Ответим так: если бы мы придерживались подобной точки зрения, было бы бессмысленно и бесполезно писать эти строки, равно как и любую из наших работ; следовательно, нам остается лишь объяснить, почему мы уверены в обратном.

Глава 9

Как мы это увидели, все истинно традиционные учения единодушны в утверждении превосходства духовного над светским и, следовательно, в убеждении, что естественной и законной является лишь та социальная организация, в которой это превосходство в отношениях двух властей соответствующих этим двум сторонам официально признано и отображено. С другой стороны, история ясно показывает нам, что незнание и неприятие этого иерархического порядка всегда и везде приводит к одним и тем же последствиям: социальная нестабильность, смешение функций, все большее преобладание внешних элементов, а также интеллектуальная дегенерация, прежде всего забвение трансцендентных принципов, а затем, от падения к падению, отрицание любого истинного знания. Необходимо отметить, что для учения, которое позволяет предвидеть неизбежность подобного развития вещей, нет необходимости в их подтверждении «апостериори»; однако мы продолжаем настаивать на том, что наши современники вследствие некоторых умственных привычек и склонностей достаточно чувствительны к реальным фактам, что позволяет надеяться на то, что они способны серьезно задуматься и прийти к осознанию истинности учения; и даже если только небольшая их часть осознает истину, это уже будет очень значительным событием, ибо только таким образом можно начать изменение ориентации, которое возможно приведет к восстановлению естественного порядка. Это восстановление, каковы бы ни были его пути и способы, обязательно должно рано или поздно произойти; это последний пункт, по которому нам осталось дать некоторые разъяснения.

Как мы уже говорили, светская власть принадлежит миру действия и изменения: не будучи самодостаточным принципом,[125] изменение должно получить высшее основание своей законности, благодаря которому оно включается в универсальный порядок, извне; настаивая же на своей независимости от любого высшего принципа, изменение тем самым становится в прямом смысле простым беспорядком. По своей сути беспорядок это то же самое, что и потеря равновесия; в человеческой сфере он проявляется в том, что обычно называют несправедливостью, поскольку понятия «справедливость», «порядок», «равновесие», «гармония» являются в каком-то смысле идентичными или, более точно, они представляют собой

отдельные аспекты одной и той же вещи, способы рассмотрения которой столь же различны и многообразны, как и сферы ее приложения.[126] Если следовать дальневосточной традиции, то справедливость, по сути, является суммой всех несправедливостей, ибо любой беспорядок компенсируется другим беспорядком; вот почему революция, свергнувшая монархию, представляется нам, с одной стороны, логичным следствием, а с другой стороны, закономерной карой, то есть расплатой за восстание королевской власти против власти духовной. Мы отвергаем закон как только мы отвергаем сам принцип, из которого он исходит; однако те, кто отрицает закон, не в силах его упразднить, и это отрицание оборачивается против них самих. Вот почему в конце концов беспорядок должен стать истинным, а не иллюзорным порядком, которому уже ничто не может быть противопоставлено.

Нам без сомнения возразят, что революция, свергнувшая власть Кшатриев и заменившая ее властью низших каст, была еще большим беспорядком, это, конечно же, справедливо, если принимать во внимание лишь ее сиюминутные последствия; однако именно она помешала беспорядку распространяться бесконечно. Если светская власть теряет свою стабильность вследствие непризнания своего подчиненного положения по отношению к власти духовной, то уже ничто не остановит беспорядок, который она тем самым вносит в социальную организацию. Разумеется, когда мы говорим о стабильности беспорядка, мы допускаем некое противоречие в используемых терминах, поскольку беспорядок это ничто иное как изменение, сведенное к самому себе, если можно так сказать: в сущности, это стремление найти неподвижность в движении. Каждый раз когда увеличивается беспорядок, усиливается движение, поскольку делается еще один шаг в направлении собственно изменения и «мгновенности». Вот почему, как мы уже говорили об этом раньше, чем больше в этот процесс вовлекается социальных элементов низшего уровня, тем менее он продолжителен. Как все, что представляет собой негативное существование, беспорядок разрушает себя сам; уже в самом его избытке заключается лекарство для наиболее безнадежных случаев, поскольку все возрастающая скорость изменения неизбежно приводит к концу. Похоже, что сегодня многие уже начинают понимать более или менее осознанно, что данная ситуация не может продолжаться бесконечно. Возникает вопрос: если при современном состоянии мира возрождение уже не возможно без катастрофы, не является ли это достаточным поводом, чтобы предстать перед ее лицом не смотря ни на что, и не станет ли нежелание это сделать еще одной формой забвения извечных принципов, которые

находятся вне любых превратностей «временного», и которые никакая катастрофа не сможет изменить. Мы уже говорили, что человечество еще никогда не было столь далеко от «земного Рая» как сейчас; однако не стоит забывать, что конец одного цикла всегда совпадает с началом следующего. Если обратиться к Апокалипсису, мы увидим, что именно в момент наивысшего беспорядка, который будет заключаться в абсолютном крушении «видимого мира» состоится пришествие «Небесного Иерусалима», который станет новым периодом в истории человечества, своеобразным аналогом «земного Рая» для человечества, уже закончившего свое существование.[127] Сходство характерных черт современной эпохи с тем, что в традиционных учениях было описано как финальная фаза Кали-Юги, позволяет сделать более чем правдоподобный вывод, что осталось не так много времени до ее прихода, когда после современных мрачных времен наступит полный триумф духовного.[128]

Если подобные предсказания кажутся слишком рискованными (а они могут показаться таковыми тем, кто не обладает знанием традиционных учений в достаточной степени, чтобы их понять), можно напомнить примеры из прошлого, среди которых есть один, наиболее показательный в этом отношении: конец Буддизма в Индии, его тотальное исчезновение, несмотря на абсолютную внешнюю стабильность, и блестящая победа ортодоксального брахманического учения после полного упадка, длившегося несколько веков. Таков неизбежный конец всего, что опирается лишь на временное и преходящее; так, в итоге, устраняется беспорядок и восстанавливается порядок; и даже если иногда кажется, что беспорядок празднует окончательную победу, этот триумф лишь временное явление, и оно тем белее эфемерно, чем оно масштабнее. Без сомнения все произойдет именно так, раньше или позже, и, скорее, гораздо раньше, чем это могут предположить в современном западном мире, где беспорядок во всех областях зашел сегодня гораздо дальше, чем это когда-либо случалось. Итак, конец наступит; и даже если этому беспорядку потребуется какое-то время, чтобы распространиться по всей земле, это никоим образом не отменяет наших выводов, а, более того, подтверждает наши предположения, которые мы только что высказали по поводу конца исторического цикла, и в данном случае реставрация истинного порядка должна будет произойти в гораздо больших масштабах, чем это когда-либо было известно. Однако на наш взгляд, это будет лишь показателем ее несравнимой глубины и интегральности, поскольку дойти придется до «первоначального состояния», о котором говорят все традиции.[129]

Кроме того, если рассмотреть вопрос с точки зрения духовных реальностей, как делаем сейчас мы, этого нужно ждать достаточно долго и без волнения, поскольку это область недвижимого и вечного. Нервозная спешка, столь характерная для нашей эпохи, лишний раз доказывает, что наши современники, по своей сути, склонны придерживаться во всех вопросах временной точки зрения, даже в тех случаях когда считают, что смогли преодолеть ее, и несмотря на притязания многих, они так и поняли, что же такое истинная духовность. Впрочем, даже среди тех, кто выступает против современного «материализма», есть ли люди, способные понять эту духовность вне какой бы то ни было специальной формы, а конкретнее, вне формы религиозной, абстагироваться от принципов приложения к внешним временным обстоятельствам? Многие ли среди тех, кто объявляет себя защитниками духовной власти, отчетливо осознают, чем она является в чистом виде, отдают себе отчет о ее истинных функциях, не останавливаясь на внешних проявлениях, и не сводя все к простому вопросу исполнения ритуалов, глубочайшие причины которых остаются полностью непонятыми, а также к «судопроизводству», являющемуся собственно временной вещью? Многие ли среди тех, кто стремится к восстановлению интеллектуальности, не сводят ее до уровня простой «философии» в привычном и «профаническом» смысле этого слова, а понимают, что в сущности интеллектуальность и духовность это одна и та же вещь, но по разному названная? Многие ли среди тех, кто несмотря ни на что сохранил частичку традиционного духа (мы говорим только об этих людях, поскольку они единственные, чье мнение может нас заинтересовать), воспринимают истину такой, какая она есть на самом деле, абсолютно незаинтересованно, независимо от любых чувственных предубеждений, интересов партий и школ, без стремления обратить в свою веру? Многие ли среди тех, кто, стремясь избежать социального хаоса, в который погружается западный мир, понимает, что для этого прежде всего необходимо отказаться от тщетных иллюзий «демократии» и «эгалитарности», многие ли из них имеют представление об истинной иерархии, основанной на различиях, свойственных человеческой природе, и уровне достигнутых знаний? Многие ли среди тех, кто объявляет себя сторонниками «индивидуализма», находят в нем согласие трансцендентной реальности и отдельного индивидуума? Мы задаем здесь все эти вопросы с единственно целью дать возможность тем, кто реально задумывается над этой проблемой, понять бесполезность любых отдельных попыток, несмотря на наилучшие намерения людей, которые их предпринимают, а также бесполезность и тщетность всех дискуссий по данному вопросу,

имевших место в последнее время, о которых мы упоминали на первых страницах нашей работы.

Тем не менее, до тех пор пока существует законная духовная власть, пусть даже она будет непонята практически всем миром и даже своими собственными представителями, пусть она будет сведена до уровня собственно тени, эта власть всегда будет лучшей и, главное, неотъемлемой, [130] частью нашего мира, поскольку в ней заключено нечто большее, чем простые человеческие возможности, поскольку, даже ослабленная или спящая, она продолжает воплощать в себе «единственную необходимую вещь». «Patience quia eterna» совершенно справедливо говорили иногда о духовной власти, и, разумеется, не потому, что какая-либо из принимаемых ею форм является вечной (ибо любая форма по своей сути временна преходяща), но потому, что она сама, ее истинная сущность является вечностью и незыблемостью принципов. Вот почему можно быть уверенным, что духовная власть неизменно будет победителем во всех конфликтах, навязываемых ей властью светской, каковыми бы ни казались внешние результаты.

Примечания

1

1. Прежде всего это, конечно же, устные традиции, впрочем, некоторые из них никогда и не были письменными, как, например, кельтская традиция. Их соответствие доказывает одновременно единство источника, связанного с первоначальной традицией, и четкое следование устной форме ее передачи, что в данном случае является одной из основных задач духовной власти.

n_1

2

2. То же самое обозначение, предельно четко сформулированное, можно обнаружить в дальневосточной традиции, как это, в частности, видно из отрывка из работы Лао-цзы: ”Древние учителя обладали искусством Логики, Проницательностью и Интуицией; эта Сила Духа оставалась бессознательной; эта Бессознательность Внутренней Силы придавала величие их внешнему облику… Кто в наши дни смог бы своим величественным светом озарить внутренний мрак? Кто в наши дни смог бы своей величественной жизнью победить внутреннюю смерть? Они несли в своей душе Путь (Дао) и были Самодостаточными Индивидуальностями; в силу этих качеств они видели совершенство своей слабости” (Дао дэ Цзин, гл.15, перевод Александра Улара; см. также Чжуан-цзы, гл.6, которая является комментарием к данному отрывку). “Бессознательность”, о которой он здесь говорит, подразумевает самопроизвольность состояния, не являющегося результатом какого-либо усилия; и выражение “Самодостаточная Индивидуальность” должно пониматься в смысле санскритского термина swechchhachari, то есть “тот, кто следует собственному желанию”, или, согласно другому эквивалентному выражению, но уже из мусульманского эзотеризма, “тот, кто является законом для самого себя”.

n_2

3

3. Кризис современного мира, гл.6; кроме того, по вопросу о принципе разделения каст см. Общее введение в изучение индийских доктрин, 3-я часть, гл.6.

n_3

4

4. Кризис современного мира, гл.1.

n_4

5

5. Указание на это можно найти в истории Парашу-Рама, который, как говорят, уничтожил восставших Кшатриев в те времена, когда предки индусов еще жили в северных районах.

n_5

6

6. Кроме того, следует сказать, что символы кабана и медведя совершенно необязательно встречаются только противопоставленными друг другу или же сражающимися друг с другом; иногда эти символы духовной и светской власти или же символы двух каст — Друидов и Рыцарей — можно встретить в состоянии их естественной и гармоничной связи, как, в частности, это видно из легенды о короле Артуре и Мерлине, которые на самом деле являются медведем и кабаном. Мы непременно дадим более подробные разъяснения, если обстоятельства позволят нам развить тему этой символики в одной из будущих работ.

n_6

7

7. Кризис современного мира, гл.4.

n_7

8

1. Можно без труда найти множество других примеров, в частности на Востоке: в Китае это борьба, разгоравшаяся в определенные эпохи между Даосами и Конфуцианцами, учения которых относились соответственно к сферам двух властей, как мы еще объясним это позднее; на Тибете это враждебность, питаемая первоначально царями к Ламаизму, который в дальнейшем не только полностью одержал победу над светской властью, но и целиком поглотил ее “теократической” организацией, которая существует и по сей день.

n_8

9

2. Кроме того, можно было бы ввести в это понятие силу желания, которая также не является “материальной” в прямом смысле этого слова, но для нас принадлежит к тому же порядку, поскольку по существу она направлена к действию.

n_9

10

3. Название касты Кшатриев происходит от слова “кшатра”, то есть “сила”.

n_10

11

4. В древнееврейском языке это различие, обозначается посредством употребления корней, которые соотносятся друг с другом и различаются лишь двумя буквами — kaph и qoph, которые в их иероглифическом варианте представляют соответственно знаки силы духовной и силы материальной, отсюда, с одной стороны, значения истины, мудрости, знания, с другой — силы, обладания, господства; таковыми являются корни hak и haq, kan и qan, первые слова в каждой паре обозначают атрибуты церковной власти, вторые — власти царской (см. Царь Мира, гл.6).

n_11

12

5. Впрочем, в дальнейшем мы увидим, почему религиозная форма в собственном смысле этого слова является специфической для Запада.

n_12

13

6. Именно в силу этой функции образования в Гимне Пуруше (Ригведа, X,90) Брахманы соотносятся с устами Пуруши, рассматриваемого как “Универсальный Человек”, тогда как Кшатрии соотносятся с его руками, поскольку их функции связаны с действием.

n_13

14

7. Иногда исполнение двух функций — интеллектуальной с одной стороны и ритуальной с другой — порождает даже в среде духовенства разделение на две группы, очень хороший пример чему можно найти на Тибете: ”Первая большая группа включает в себя тех, кто восхваляет соблюдение моральных предписаний и монашеских правил как средство спасения; вторая объединяет тех, кто предпочитает интеллектуальный метод (называемый ими “прямым путем”), освобождающий того, кто ему следует, ото всех законов, каковыми бы они ни были. Из чего совершенно не следует, что приверженцев этих двух методов разделяет глухая стена. Очень редко встречаются монахи, следующие первому методу, которые познали лишь добродетельную жизнь и дисциплину монастырских уставов, в высшей степени превосходных и в большинстве случаев действительно необходимых, но все-таки представляющих собой лишь подготовку к высшему пути. Что же касается сторонников второй системы, они все без исключения безоговорочно верят в благотворный эффект строгого следования моральным законам и законам, которые были специально предписаны членам Сангхи (буддийское сообщество). Более того, все единодушно заявляют, что следование первому из двух методов наиболее предпочтительно для большинства людей» (Александра Давид-Неель, Мистический Тибет, опубликовано в Парижском обозрении 15 февраля 1928). Мы сочли необходимым дословно привести здесь этот отрывок, хотя к некоторым из употребленных в нем выражений необходимо отнестись с определенной долей осторожности: так, например, не существует двух “систем”, которые как таковые неизбежно взаимоисключаются; но роль второстепенных средств, то есть роль ритуалов и уставов всех видов, и их зависимость по отношению к собственно интеллектуальному пути определены в этом отрывке очень четко; кроме того, все изложенное по этому поводу полностью согласуется со сведениями индийского учения.

n_14

15

8. Было бы излишним напоминать, что мы всегда употребляем это слово в том смысле, в котором оно соотносится с чистым разумом и сверхрациональным знанием.

n_15

16

9. Однако это не означает того, что было бы правильно рассматривать значение слова “священнослужитель”(un clerc) так, как это сделал Жюльен Бенда в своей последней книге “Предательство Священнослужителей”, поскольку подобное слишком широкое понимание приводит к недооценке фундаментального различия “сакрального знания” и “светской эрудиции”; понятия духовности и интеллектуальности имеют для автора несколько иной смысл, чем для нас; он вводит в область, называемую им духовной, множество вещей, которые, на наш взгляд, принадлежат чисто временному и собственно человеческому уровню, что, однако, не мешает нам признать тот факт, что в его книге есть ряд замечаний очень интересных и справедливых со всех точек зрения.

n_16

17

10. Различие, которое в католицизме проводится между “Церковью проповедующей” и “Церковью свершающей таинства“ должно было быть, собственно, различием между теми, “кто знает”, и теми, “кто верит”; таковым оно является в принципе, но сохраняется ли оно в действительности при современном положении вещей? Мы ограничимся лишь постановкой этого вопроса, поскольку не нам его решать, впрочем, у нас даже нет средств для его решения; на самом деле, множество деталей рождает в нас опасение, что ответ будет отрицательным; мы не претендуем на обладание всеобъемлющим знанием современной организации католической Церкви и лишь выражаем надежду на то, что в ее недрах все еще существует некий центр, в котором в полном объеме сохраняется не только “буква”, но и “дух” традиционного учения.

n_17

18

11. У нас уже была возможность указать на сходный случай: тогда как Брахманы всегда почти исключительно связаны, по крайней мере для своих собственных целей, с непосредственной реализацией окончательного “Освобождения”, Кшатрии в первую очередь развивают учение об обусловленных и переходных состояниях, которые соответствуют различным стадиям двух “путей проявленного мира”, называемых дэва-яна и питри-яна (Человек и его становление согласно Веданте, стр.217.

n_18

19

12. В Индии таковым является случай итихас и пуран, тогда как изучение Веды касается собственно Брахманов, поскольку именно в ней заложен принцип всего сакрального знания; впрочем, в дальнейшем мы увидим, что различие между предметами изучения, избранными соответственно двумя кастами, в общем и целом соответствует различию двух частей традиции, которые в индийском учении названы Шрути и Смрити.

n_19

20

13. Мы всегда говорим о Кшатриях и Брахманах, рассматривая их одновременно; если и встречаются отдельные исключения, они никоим образом не затрагивают сам принцип каст и лишь доказывают, что приложение этого принципа может быть лишь приблизительным, особенно в наших условиях Кали-Юги.

n_20

21

14. Несмотря на то, что мы говорим здесь о Кшатриях и Брахманах, поскольку употребление этих терминов сильно облегчает выражение вещей, о которых идет речь, само собой разумеется, что все, это, имеет отношение не только к Индии; то же самое замечание необходимо иметь в виду каждый раз, когда мы будем употреблять те же самые термины, излагая вещи, относящиеся не только к индийской традиции; в дальнейшем мы объясним, почему это должно быть именно так.

n_21

22

15. Принимая во внимание несколько отличную точку зрения, которая тем не менее тесно связана с данной, можно также сказать, что “малые тайны” касаются лишь возможностей человеческого существа, тогда как “большие тайны” касаются сверхчеловеческих состояний; реализация этих возможностей и этих состояний приводит к достижению “Рая земного” или, соответственно, “Рая небесного”, как об этом говорит Данте в тексте “О монархии”, который мы процитируем позднее; не следует также забывать, что, как на это указывает все тот же Данте в своей “Божественной комедии” и как мы не раз еще повторим, “земной Рай” должен рассматриваться лишь как этап на пути, ведущем к “небесному Раю”.

n_22

23

16. В древнем Египте, организация которого была собственно “теократической”, царь, вероятнее всего, рассматривался включенным в касту духовенства в силу своего посвящения в мистерии и был даже иногда принят среди членов этой касты; по крайней мере, именно об этом говорит Плутарх: “Цари избирались среди воинов или жрецов, поскольку именно эти два класса, один в силу присущей им храбрости, другой благодаря своей мудрости, наиболее ценились и обладали особым положением. Когда царь избирался из класса воинов, с самого момента своего избрания он вступал в класс жрецов; таким образом он приобщался к философии, скрывающей в себе множество вещей под формулами и мифами, которые окутывали истину покровом мрака и проявляли ее прозрачностью” (“Изида и Осирис”, 9, перевод Марио Мёнье). Заметим, что конец этого отрывка содержит очень четко сформулированное указание на двойной смысл слова “откровение” (ср. Царь мира, стр.38).

n_23

24

17. Необходимо добавить, что в Индии третьей касте, а именно касте Вайшья, функции которой лежат в собственно экономической сфере, также позволяется пройти инициацию, что дает ей право на определение, такое же, как у двух первых каст, — арья, или “благородных”, и двиджа, или “рожденных два раза”; знания же, принадлежащие собственно этой касте, в большей или меньшей степени являются лишь сокращенной частью “малых тайн”, в том смысле, который мы только что определили; однако мы не будем на этом задерживаться, поскольку тема данной работы относится собственно только к первым двум кастам.

n_24

25

18. Таким образом, можно сказать, что духовная власть “формально” принадлежит касте духовенства, тогда как светская власть “формально” принадлежит царской касте, а “в высшей степени” — все той же касте духовенства. Это происходит так же, как, согласно Аристотелю, высшие “формы” “в высшей степени” содержат “формы” низшие.

n_25

26

19. По этому поводу необходимо отметить, что римский бог Янус помимо того, что был богом посвящения в тайны, в то же самое время являлся богом Collegia favrorum; это сближение является, несомненно, значимым с точки зрения соответствий, на которые мы здесь указали. — О перемещении, посредством которого любое искусство, так же, как и любая наука, может получить собственно “инициатическое” значение, см. “Эзотеризм Данте”, стр.12–15.

n_26

27

20. Некоторые исследователи более точно датируют серединой XV века утрату античной традиции, повлекшей за собой в 1459 году реорганизацию на новой основе различных братств, которая и поныне не окончена. Необходимо отметить, что начиная именно с этой эпохи церкви перестали быть строго направляемыми, и этот факт оказал гораздо большее влияние на то, о чем идет речь, чем это могло бы показаться на первый взгляд (Царь мира, стр.96 и 123–124).

n_27

28

1. Согласно индийскому учению, три термина “Истина, Знание, Бесконечность” определены в высшем Принципе: это смысл формулы Сатьям джняна ананта Брахма.

n_28

29

2. В Индии знание в зависимости от своего объекта и своей сферы подразделяется на “высшее” (пара) и “не-высшее” (апара).

n_29

30

3. Кризис современного мира, гл.3.

n_30

31

4. Неподвижный центр — это образ незыблемого принципа, поскольку движение используется здесь, чтобы символизировать изменение в целом, лишь частным видом которого оно является.

n_31

32

5. Напротив, “физическое” знание — это не более чем знание законов изменения, законов, которые представляют собой лишь отражение трансцендентных принципов в природе; природа же в целом это ни что иное, как область изменения.

n_32

33

6. Вот почему у слова melek, которое обозначает “царь” в древнееврейском и арабском языках, есть еще и второе, а точнее, первое значение — “посланец”.

n_33

7. Ta-hio, часть 1-ая, перевод П. Куврера.

n_34

35

8. В частности, тот факт, что первостепенное значение придается соображениям экономического порядка, является поразительной чертой нашего времени и может рассматриваться как знак господства Вайшьев, примерным эквивалентом которых в современном западном мире можно считать буржуазию, которая захватила господство после Революции.

n_35

36

9. Такое поведение восставших Кшатриев можно было бы достаточно точно охарактеризовать определением “люциферианизм”, которое не следует путать с “сатанизмом”, хотя без сомнения между ними есть определенная связь: “люциферианизм” — это отказ от признания высшего владычества, “сатанизм” — это опрокидывание естественных отношений и иерархического порядка; последнее часто является следствием первого, как и Люцифер стал Сатаной после своего падения.

n_36

37

n_37

38

11. Причина этого кроется в том, что индийское учение среди всех традиционных учений, дошедших до наших дней, с большей долей вероятности происходит прямо от первоначальной традиции; но мы не будем настаивать здесь на данном соображении.

n_38

n_39

40

2. В Египте, включение царей в жречество, на что мы указывали выше, цитируя Плутарха, было помимо прочего свидетельством тех далеких времен.

n_40

41

3. Царь Мира.

n_41

42

4. Tractatus de Moribus и Officio episcorum, III, 9. — По этому поводу и в связи с тем, что мы уже говорили о Сфинксе, необходимо отметить, что он представляет собой Harmakhis или Hormakhouti, “Повелителя двух горизонтов”, то есть принцип, объединяющий два мира — увственный и сверхчувственный, земной и небесный; это одна из причин, в силу которых в раннюю пору Христианства в Египте Сфинкс рассматривался как символ Христа. Другая причина заключалась в том, что Сфинкс, как и грифон, о котором писал Данте (“животное двух природ”), олицетворяет собой объединение божественной и человеческой природы в Христе; можно также обозначить третью причину: как мы уже говорили, Сфинкс символизирует объединение двух властей — светской и духовной — в их высшем принципе.

n_42

43

5. Здесь идет речь о традиционной концепции “трех миров”, к которой мы уже не раз обращались по разным поводам: с этой точки зрения, царская власть соответствует “земному миру”, духовенство — “промежуточному миру “, а их общий принцип — “миру небесному”; но необходимо добавить, что начиная с того времени, как этот принцип стал невидим для людей, духовенство также представляет и “небесный мир”.

n_43

44

6. Совокупность всех живых существ, разделенных на стабильных и изменяющихся, обозначается в санскрите сложным термином стхавара-джангама; таким образом, все, в соответствии со своей природой, соотносятся или с Брахманами, или с Кшатриями.

n_44

45

7. Человек и его становление согласно Веданте, стр.64–65.

n_45

46

8. Трем гунам соответствуют символические цвета: белый — саттве, красный — джасу, черный — тамасуtamas; на основании отношений, которые мы здесь обозначили, два первых цвета также символизируют соответственно духовное владычество и светскую власть. — По этому поводу интересно отметить, что “орифламма” королей Франции была красного цвета; замена красного цвета как символа королевской власти белым, которая произошла в дальнейшем, в некотором роде обозначает присвоение светской властью одного из атрибутов духовного владычества.

n_46

47

9. Кризис современного мира, стр.77–78.

n_47

48

10. Символически говорят, что боги, когда они предстают перед людьми, всегда принимают форму, соответствующую природе тех, перед кем они являются.

n_48

49

11. Мы уже указывали на различие, о котором здесь идет речь, а именно различие между теми, “кто знает”, и теми, “кто верует”.

n_49

50

12. Поскольку “высшее” знание было утрачено, в данный момент существует только знание “не-высшее”, и происходит это не вследствие восстания Кшатриев, как это было в случае, рассмотренном нами выше, но вследствие некоего интеллектуального вырождения элемента, соответствовавшего Брахманам если не по их природе, то во всяком случае по их функции; в отличие от предыдущего случая в данной ситуации традиция не искажается, но лишь сокращается в своей высшей части; последняя стадия этого вырождения характеризуется тем, что нет больше никакого реального знания, и лишь только потенциальная возможность этого знания продолжает существовать благодаря сохранению “буквы”, таким образом, в последней стадии для всех без различия остается лишь вера. Необходимо добавить, что эти два случая, разделенные нами в теории, на практике могут комбинироваться или, по крайней мере, сосуществовать в одной области и, если можно так сказать, оказывать взаимное влияние друг на друга; но это уже не принципиально важно, ибо мы не собираемся применять их к кокретным фактам.

n_50

51

13. Иначе сформулированный, этот вопрос соответствует тому, который был задан нами ранее в отношении “Церкви проповедующей” и “Церкви свершающей таинства“.

n_51

52

14. Необходимо отметить, что те, кто таким образом выполняет внешнюю функцию Брахманов, не будучи для нее предназначенным, являются по сути дела не более чем узурпаторами, каковыми были восставшие Кшатрии, занявшие место Брахманов, чтобы установить некое подобие искаженной традиции; на самом деле речь идет лишь о ситуации, сложившейся в силу неблагоприятных условий на определенном уровне, которая, впрочем, обеспечивает поддержку учения во всем объеме, какой только совместим с этими условиями. Здесь, как, впрочем, даже в самой ложной гипотезе, можно применить слова Евангелия: “На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят соблюдать, соблюдайте и делайте” (Евангелие от Матфея, XXIII, 2–3).

n_52

53

1. Здесь можно было бы также применить, как мы уже это делали, образ ступицы и обода “колеса вещей”.

n_53

54

2. Каждый человек несет в себе принцип единства, высший по отношению к множеству элементов его структуры; таковою принципа нет у общества, которое представляет собой не что иное, как набор отдельных индивидуумов; следовательно такое слово, как “организация”, когда оно употребляется по отношению к отдельному человеку и целому обществу, не может иметь в точности один и тот же смысл. Можно, однако, сказать, что присутствие духовного владычества вводит в общество высший над-индивидуальный принцип, поскольку само это владычество, в силу своей природы и происхождения, является “над-индивидуальным”; однако это предполагает, что общество должно рассматриваться не только и не столько в своем временном аспекте; это соображение, единственное, которое делает из общества нечто большее, чем просто набор индивидуумов, является одним из тех, которые полностью ускользают от современных социологов, претендующих на проведение аналогии между обществом и отдельно взятым человеком.

n_54

55

3. Кроме того, Ганеша и Сканда представлены как братья, будучи один и другой сыновьями Шивы; в этом заключается еще один способ показать то, что две власти — духовная и светская — происходят из одного источника.

n_55

56

4. Кризис современного мира, стр 81.

n_56

57

5. Собственно говоря, Бхагават-Гита является лишь эпизодом Махабхараты — одного из двух итихас, вторая из которых — Рамаяна. Эта характерная особенность Бхагават-Гиты объясняет используемый в ней воинственный символизм, сравнимый в определенной степени с символизмом “священной войны” у мусульман; кроме того, существует еще и “внутренний” способ чтения этой книги, придающий ей глубочайший смысл, который называется Атма-Гита.

n_57

58

6. Ось и полюс являются прежде всего символами единого принципа двух властей, как мы объяснили это в нашей работе “Царь мира”; однако данные символы могут также использоваться для обозначения духовного владычества по отношению к светской власти, что мы в данном случае и делаем, поскольку это владычество, основным атрибутом которого является знание, составляет в реальности часть в неизменности высшего принципа, который в полном объеме выражают эти символы, а также поскольку духовное владычество, как мы уже сказали ранее, прямо представляет этот принцип по отношению к внешнему миру.

n_58

59

7. Мы переводим как “духовное влияние” древнееврейское и арабское слово barakah; ритуал “рукоположения” является одним из наиболее принятых способов передачи barakah, а также произведения при его помощи определенных эффектов, в частности излечения больных.

n_59

60

8. Мусульманская традиция также говорит о том, что barakah может быть утерян; с другой стороны, и в дальневосточной традиции равным образом упоминается о том, что “приказ Неба” подлежит отмене в том случае, если монарх не выполняет должным образом свои функции в гармонии с космическим порядком.

n_60

61

9. Следуя другому типу символики, это также ключи от дверей “небесного Рая” и “Рая земного”, как это видно из текста Данте, который мы процитируем позже; однако было бы несвоевременным, по крайней мере в данный момент, делать в некотором роде “технические” уточнения по поводу “власти ключей”, а также объяснять многие другие вещи, связанные с ними более или менее прямо.

n_61

62

10. В том, что касается передачи царской власти, есть несколько случаев, являющихся исключением, когда, в силу определенных причин, она даруется непосредственно представителями высшей власти, источника двух других: так, например, цари Саул и Давид были посвящены на царство не Первосвященником, но самим пророком Самуилом. С этим можно связать также сказанное нами ранее (Царь мира, глава IV) по поводу тройственной сущности Христа — пророка, священника и царя — в соответствии с функциями каждого из трех волхвов, которые в свою очередь соответствуют разделению “трех миров”, упоминавшихся нами в предыдущем примечании: “пророческая” функция, поскольку она подразумевает прямое вдохновение, соотносится собственно с “небесным миром”.

n_62

63

11. Кризис современного мира, стр.75–76.
n_63

64

12. Существует также другое истолкование данной притчи, но уже не социальное, а космологическое, встречающееся в ряде индийских учений, в частности, в Санкхье: так, в роли паралитика выступает Пуруша, поскольку он является недвижимым или “не-действующим” принципом, а в роли слепого — Пракрити, недифферинцированная потенциальность которой отождествляется с мраком хаоса; в реальности это два взаимодополняющих принципа, два полюса универсальной манифестации, которые, впрочем, происходят из одного высшего единого принципа, который представляет собой чистое Существо, то есть Ишвару, представление о котором превосходит специальную точку зрения Санкхьи. Чтобы связать эту интерпретацию с той, на которую мы только что указали, необходимо отметить, что можно установить аналогичную связь созерцания или знания с Пурушей, а действия — с Пракрити; однако у нас нет возможности в рамках данной работы дать объяснение этим двум принципам, и мы вынуждены ограничиться тем, что мы уже говорили по этому поводу в книге “Человек и его становление согласно Веданте”.

n_64

65

13. Это разделение дальневосточной традиции на две отдельные ветви завершилось в VI веке до н. э., в эпоху, специфический характер которой мы уже имели возможность отметить (Кризис современного мира, стр.27–32) и еще не раз вернемся к нему в дальнейшем.

n_65

66

14. Мы говорим “внешнего”, поскольку с внутренней точки зрения “не-действие” в реальности является высшей деятельностью во всей ее полноте; но как раз в силу своего всеобщего и абсолютного характера эта деятельность не проявляется внешне как частные, определенные и относительные виды деятельности.

n_66

15. Из этого видно, что нет никакого принципиального противопоставления даосизма и конфуцианства, которые никоим образом не являются, да и не могут являться, двумя конкурирующими школами, поскольку у каждой есть своя собственная, отличная от других, область; если, тем не менее, между ними разгорается борьба, иногда достаточно жестокая, как мы на это указали выше, то происходит это скорее в силу непонимания и стремления к исключительности конфуцианцев, забывающих о примере, преподанном им самим основателем конфуцианства.

n_67

68

1. Кризис современного мира, глава 5.
n_68

69

2. Это утверждение, какую бы форму оно ни принимало, в реальности является не чем иным, как более или менее скрытым отрицанием любого принципа, высшего по отношению к индивидуальности.

n_69

70

3. Еще один факт, который мы можем лишь попутно отметить, это важная роль, которую очень часто играл женский элемент или же элемент, символически представленный как таковой, в доктринах Кшатриев — речь идет, в принципе, о доктринах, собственно предназначенных для Кшатриев, или об основных господствующих гетеродоксальных концепциях; по этому поводу необходимо также отметить, что существование женского духовенства у отдельных народов связано, очевидно, с превосходством касты воинов. С одной стороны, этот факт можно объяснить преобладанием в среде Кшатриев rajasique эмоционального элемента, а с другой стороны — связью женского начала в космическом плане с Пракрити, или "Первоначальной Природой", принципом «будущего» и временного изменения.

n_70

71

4. Вот почему Буддисты заслужили эпитет sarva-vainashikas, то есть “те, кто поддерживает dissolubilite всех вещей”; это dissolubilite является, в сущности, эквивалентом “универсального движения”, изучавшегося отдельными “философами-физиками” в Греции. — Чтобы установить необходимые связи, важно отметить, что Буддизм появился в VI веке до н. э., что в то же время было эпохой зарождения в Греции “философии”.

n_71

72

5. Именно потому, что, в противоположность Буддизму, влияние Яинизма никогда не выходило за рамки очень ограниченной области, это учение смогло дожить до наших дней несмотря на его гетеродоксальный характер; и в настоящее время яинистов продолжают рассматривать как выродившихся Кшатриев.

n_72

73

6. Можно также отметить, что теории «будущего» вполне естественно стремятся к «феноменизму», хотя, впрочем, в более строгом смысле «феноменизм» является совершенно современной вещью.

n_73

74

7. Древние греки называли «тиранией» правление, подобное правлению династии Maurya, при котором представители низшей касты присваивают себе царское звание и функции; как легко заметить, первоначальный смысл этого слова достаточно далек от значения, которое оно приобрело в настоящее время, став практически синонимом слова «деспотизм».

n_74

75

8. Мы говорим здесь о континентальной Индии, Буддизм же нашел убежище и продолжает существовать в наши дни на Цейлоне, который, пожалуй, является единственным местом, где Буддизм сохраняет свой первоначальный характер. В самой же Индии в последнее время было создано несколько организаций, которые можно было бы определить как «нео-буддистские»; однако они обладают практически нулевым влиянием, и, по правде говоря, члены этих организаций лишь воображают себя буддистами, равно как и некоторые представители Запада.

n_75

76

1. Это то, что Лейбниц называл «принципом исчисления бесконечно малых величин»; как мы уже имели возможность отметить, Лейбниц, в отличие от большинства современных философов, обладал некими традиционными знаниями, хотя, разумеется, его познания были слишком фрагментарными и явно недостаточными для того, чтобы позволить ему выйти за пределы неких ограничений.

n_76

2. «Спиритическое заблуждение», 2-ая часть, глава VI.

n_77

78

3. См. в частности «Эзотеризм Данте».

n_78

79

4. По этому вопросу см. нашу работу о святом Бернаре, опубликованную в книге «Жизнь и труды некоторых великих святых», в которой мы говорили о сочетании черт монаха и воина в основателе ордена Тамплиеров, ордена, который сам святой Бернар называл, «божественным воинством», подчеркивая тем самым его роль советника и судьи между властью религиозной и властью политической.

n_79

80

5. В данном случае можно провести сравнение с человеком, который, получив в наследство запертую на ключ шкатулку с драгоценностями, так и не узнал о ее истинном содержании, поскольку не смог ее открыть; однако незнание содержимого не мешает ему быть законным обладателем сокровища; потеря ключа не лишает его права собственности, и если бы с этой собственностью были бы связаны некие привилегии, он имеет полное право ими пользоваться; однако с другой стороны очевидно, что в том, что касается его лично, в сложившихся обстоятельствах он не в состоянии реально воспользоваться своим сокровищем.

n_80

81

6. Это в равной степени касается высшего принципа духовного и светского, который находится вне каких бы то ни было частных форм, и прямые представители которого имеют неоспоримое право контроля как в одной, так и в другой сфере; но в современном мире действие данного принципа настолько внешне не заметно, что можно сказать, что любое духовное владычество внешне предстает как высшее, даже если на самом деле является лишь относительным, и, более того, утратившим ключи от традиционной формы, к сохранению которой и было изначально предназначено.

n_81

7. То же самое относится к вопросу «непогрешимости папства», вызвавшего в свое время бурю возмущений, явившихся следствием непонимания, свойственного нашим современникам, которые торжественно и безапелляционно заявляют: истинный представитель традиционной доктрины должен быть непогрешим, говоря во имя этого учения. Однако при этом они забывают отдавать себе отчет в том, что эта непогрешимость связана не столько с личностью, сколько с функцией, которую эта личность исполняет. Так, в Исламе каждый муфтий непогрешим уже в силу того, что является авторитетным толкователем шариата, то есть законодательства, основанного главным образом на религии, тогда как его собственная компетентность может не распространяться на более глубокий уровень; поэтому, у людей с восточным менталитетом вызовет удивление не то, что Папа считается непогрешимым, а скорее то, что лишь он один непогрешим во всем западном мире.

n_82

83

8. Этим объясняется не только гибель ордена Тамплиеров, но еще более явно то, что позднее было названо «порчей монеты»; возможно, эти два события связаны между собой гораздо более тесно, чем это может показаться на первый взгляд. Во всяком случае уже тот факт, что современники Филиппа Красивого признали данное изменение преступлением, заставляет сделать вывод, что изменив по собственной инициативе монетную пробу, он тем самым превысил права, закрепленные за королевской властью. На это стоит обратить особое внимание, поскольку в античности и в средние века вопрос, касавшийся денежных знаков, имел гораздо более широкий смысл, чем в наши дни, когда все принято ограничивать чисто «экономической» сферой. Так, например, символы, представленные на кельтских монетах, можно объяснить, только обратившись к учению Друидов, что указывает на непосредственное влияние последних в данной области; очевидно, что подобный контроль духовной власти продолжался вплоть до конца средних веков.

n_83

84

9. Точно так же, в достаточно отдаленные времена в Индии джайны, которые первоначально, как мы уже об этом говорили, принадлежали к Кшатриям, посвятили себя исключительно торговле и прочим занятиям, свойственным Вайшья.

n_84

85

10. Борьба феодального дворянства и королевской власти очень хорошо характеризуется следующими словами из Евангелия: «…всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит» (Мт 12, 25).

n_85

86

11. Здесь уместно заметить, что этот «принцип национальностей» был прежде всего использован против Папства и Австрии, которая оставалась последним осколком Священной Империи.

n_86

87

12. Королевская власть смогла удержаться лишь став «конституционной», однако, это уже лишь тень прежней власти, некая номинальная «представительская» единица, суть которой идеально отражает следующая формула: «король царствует, но не правит»; в действительности, это не более чем карикатура на прежнюю монархию.

n_87

88

13. Именно поэтому идея «сообщества наций» представляется нам утопией, не имеющей реальных оснований; всем национальным формам претит мысль о превосходстве любого другого единства над их собственным. Поэтому очевидно, что в концепциях, появляющихся на свет в последнее время, речь может идти лишь о единстве чисто временного, а следовательно, абсолютно бесполезного уровня, которое всегда будет не более чем пародией на истинное единство.

n_88

89

14. Как мы уже говорили раньше («Кризис современного мира», стр.187–189), в современном мире, где абсолютно все люди насильно вовлекаются в военные действия, был совершенно забыт существенный принцип различения социальных функций, что, впрочем, очень логично вытекает из идеи «эгалитаризма».

n_89

90

15. Эта концепция может быть реализована и в других формах помимо собственно «национальной» Церкви; наиболее яркий пример этому — наполеоновский «Конкордат», сделавший священников государственными служащими, что уже само по себе чудовищно.

n_90

91

16. Однако, необходимо отметить и некое, по крайней мере внешнее, различие: Протестантизм продолжает поддерживать авторитет Библии, тогда как Буддизм отрицает авторитет Веды. Однако, разрушая авторитет Веды, он заменяет его «свободомыслием», что, на наш взгляд, делает это различие скорее теоретическим, чем реальным.

n_91

92

17. Мы не рассматриваем здесь ситуацию в России, которая немного более специфична и требует детального рассмотрения некоторых отличительных черт, что привело бы к неоправданному усложнению нашего исследования. Тем не менее, справедливо, что здесь мы опять-таки сталкиваемся с «государственной религией» в нашем понимании этого термина. В отличие от Протестантизма монашеские ордена избежали, по крайней мере, в определенной степени, подчинения духовного светскому, тогда как в протестантских странах их упразднение сделало это подчинение настолько полным, насколько это только было возможно.

n_92

93

18. Обратим внимание на несомненное сходство терминов «англиканство» и «галликанство», которое соответствует их тесной связи в действительности.

n_93

94

19. Было бы интересно, например, более детально изучить с этой точки зрения вопрос о роли кардинала Ришелье, упорно уничтожавшего последние следы феодального уклада, который, однако, борясь с протестантами внутри страны, вступил в дружеский союз с ними на внешней арене против последних сил Священной Империи, другими словами, против последних следов прежнего «Христианства».

n_94

95

1. Священная Империя началась с Карла Великого, который, как известно, получил титул императора и был посвящен самим Папой; таким образом, законность каждого из его преемников должна была быть подтверждена тем же образом.

n_95

96

2. Заслуживает внимания тот факт, что Папа до сих пор носит титул Pontifex Maximus, происхождение которого очевидно не христианское, а относится к гораздо более раннему периоду. Этот факт заставляет задуматься (разумеется, тех, кто еще способен думать) о том, что так называемое «язычество» обладало когда-то совершенно иным характером, не имеющим ничего общего с тем, что ему сейчас принято приписывать.

n_96

97

3. Римский Император, образно говоря, является в данном случае Кшатрием, который помимо собственных функций выполняет функции Брахмана; кажется, что в этом заключается некая аномалия, которая заставляет задуматься о том, действительно ли римская традиция обладала неким особым характером, позволяющим рассматривать этот факт иначе, чем как просто узурпацию власти. С другой стороны, вполне возможно, что Императоры в глазах большинства не выглядели в полной мере «посвященными» с духовной точки зрения; в данном случае необходимо проводить четкое различие между «официальным» представителем власти и ее реальными хранителями — ведь даже если этот представитель не принадлежал к последним, было вполне достаточно того, что они скрыто руководили его действиями и все шло так, как и должно было идти.

n_97

98

4. Смотри статью M.L. Charbonneau-Lassay «Древняя эмблема января», опубликованную в сборнике «Regnabit» (март 1925). — Ключ и скипетр соответствуют здесь более привычному для нас сочетанию двух ключей — золотого и серебряного; эти два символа напрямую связаны с Христом, на что указывает следующая литургическая формула: «O Clavis David, et Sceptrum domus Israel…» (Римский требник, 20 декабря).

n_98

99

5. «О монархии», III, 16.
n_99

100

6. По этому поводу смотри, в частности, нашу книгу «Эзотеризм Данте», а также недавно вышедшую статью Луиджи Валли «Il Linguaggio di Dante e dei «Fedeli d’Amore»».

n_100

101

7. Говоря о католицизме, всегда необходимо самым тщательным образом различать то, что относится к собственно католицизму как учению, и то, что соответствует лишь конкретному состоянию структуры современной церкви; на наш взгляд, это два совершенно разных вопроса. Мы говорим здесь о католицизме лишь потому, что этот пример в первую очередь приходит на ум по поводу Данте, однако помимо этого все сказанное имеет множество сфер приложения. Очень немногие могут сегодня отвлечься, когда это необходимо, от исторических случайностей; это доходит до такой степени, что — возьмем все тот же пример — как сторонники католицизма, так и его противники, считают возможным свести все к простой «историчности», что по большому счету является одной из форм современного «преклонения перед фактами».

n_101

102

8. Эта реализация является по сути восстановлением «первоначального состояния», о котором идет речь во всех традициях, как мы уже упоминали об этом по различным поводам.

n_102

103

9. В символике креста первая из этих двух реализаций представлена безграничным развитием горизонтальной линии, тогда как вторая — развитием линии вертикальной; используя язык мусульманского эзотеризма, можно сказать, эти две линии представляют «широту» и «воодушевление», расцвет которых реализуется в «Универсальном Человеке» — мистическом Христе, «втором Адаме» святого Павла.

n_103

104

10. «Кризис современного мира», стр.32–33.
n_104

105

11. «Purgatorio», XXXIII, 145; см. «Эзотеризм Данте», стр.60.

n_105

106

12. Чистый разум, который принадлежит не индивидуальному, а универсальному порядку, и связывает между собой все состояния существа, представляет собой принцип, который индуистская доктрина называет словом Buddhi, словом, корень которого выражает идею «мудрости».

n_106

107

13. Смотри работу «Человек и его становление согласно Веданте», стр.22–23.

n_107

108

14. По этому поводу следовало бы сделать определенные выводы из того факта, что в иудаизме, который является источником и точкой отсчета для всего, что может называться «религией» в наиболее точном смысле этого слова (и это касается как Ислама, так и Христианства), обозначение Тора или «закон» относится ко всем священным книгам; мы усматриваем в этом некую связь с тем фактом, что религиозная форма как правило соответствует тем народам, среди которых доминирует природа Кшатриев, а также указание на ту особую важность, которую принимает в этой форме социальная точка зрения — на наш взгляд, эти две мысли очень тесно связаны между собой.

n_108

109

15. Само собой разумеется, что во всем, о чем мы говорим, имеется в виду не просто теоретическое знание, но знание действенное, которое, следовательно, несет в себе суть соответствующей реализации.

n_109

110

16. По этому поводу необходимо отметить, что «Небесный рай» по своей сути — это Brahma-Loka, или «Духовное Солнце» («Человек и его становление согласно Веданте», стр. 219–220 и 232); с другой стороны, «Земной рай» описывают обычно касающимся «сферы Луны» («Царь мира», стр.55); в символике «Божественной комедии» вершина горы Чистилища представляет собой границу состояния человеческого или же земного, индивидуального, и одновременно является точкой сообщения с состояниями небесными, над-индивидуальными.

n_110

111

17. Скипетр, как и ключ, символически связан с «мировой осью»; однако, здесь мы не будем развивать эту мысль, поскольку она заслуживает отдельного изучения.

n_111

112

18. «Кризис современного мира», стр.111–114.
n_112

113

19. По этому поводу смотри статью Arturo Reghini «L’Allegoria esoterica di Dante» в сборнике Il Nuovo Patto, сентябрь-ноябрь 1921, стр.546–548.

n_113

114

20. Символическая ладья Януса могла двигаться в двух направлениях — как вперед, так и назад — что соответствовало двум лицам самого Януса.

n_114

115

21. Необходимо отметить, что несмотря на то, есть или нет в Евангелии указания, что ключи и ладью можно приписать святому Петру, Папство изначально, уже в силу того, что Рим был столицей западного мира, обречено было быть «римским».

n_115

116

22. На это Данте указывает в одном из отрывков «Божественной комедии», которые наиболее характерны в том, что касается использования этой символики («Рай», II, 1-18); и не без серьезной причины возвращается он к этому в последней песне («Рай», XXXIII, 96); в средние века было хорошо известно герметическое значение символа «Золотого руна».

n_116

117

23. Atma-Bodha; смотри «Человек и его становление согласно Веданте», стр.238, а также «Царь мира», стр.121.

n_117

118

24. Именно это завоевание представляют иногда под фигурой войны; выше мы уже отмечали использование этого символизма в Бхагават-Гита, а также у мусульман; мы можем также добавить, что подобный символизм встречается и в средневековых рыцарских романах.

n_118

119

25. Именно это проводит четкое разграничение разных смыслов ивритского слова Шекина; два аспекта, о которых мы упомянули, — это понятия Слава и Мир в следующей формуле: «Gloria in excelsis Deo, et in terra Pax hominibus bonaoe voluntatis», как мы уже это объяснили в нашей работе «Царь мира».

n_119

120

26. Это связано с символикой двух океанов — «вышних вод» и «нижних вод», символизма общего для всех традиционных учений.

n_120

121

27. По этому поводу можно также провести некую аналогию между текстом Фомы Аквинского, который мы упоминали выше, и процитированным текстом Конфуция.

n_121

122

28. Выше мы говорили о том, что «мир» — это один из основных атрибутов «Царя мира», отражением одного из аспектов которого является Император; второй аспект связан с Папой, однако, существует еще один, третий аспект — общий принцип двух первых, который не имеет видимого представления в «Христианстве» (смотри «Царь мира», стр.44). Из всего вышесказанного легко понять, что для Запада Рим — это образ истинного «центра мира», мистический Салем Мельхиседека.

n_122

123

29. Именно эта область средневекового католического эзотеризма рассматривается в наиболее тесной связи с герметизмом; без знаний этого порядка власть Папы и Императора (в том значении, которое мы только что определили) никогда не будет эффективно реализована, и именно эти знания были практически полностью утрачены нашими современниками; говоря об этом, мы оставили в стороне несколько замечаний второго плана, поскольку они не касаются замысла данной работы. Таким образом все, что Данте сказал по поводу трех богословских добродетелей (Вера, Надежда, Любовь) должно быть соотнесено с ролью, которую он им предназначил в «Божественной комедии» (см. «Эзотеризм Данте», стр.31). С другой стороны, роли трех проводников Данте (Вергилий, Беатриче и святой Бернар) должны быть соотнесены с властью светской, духовной и их общим принципом, о чем мы уже говорили.

n_123

124

30. Смотри «Кризис современного мира», гл.1.

n_124

125

1. В этом, собственно, и заключается определение случайности.

n_125

126

2. Все эти смыслы, а также смысл понятия «закон» заложены в то, что индуистская доктрина называет «дхарма»; выполнение каждым человеком функций, соответствующих его природе, на котором основан принцип разделения каст, называется «свадхарма»; это понятие можно сравнить с тем, что Данте называл «развитием собственной добродетели» (отрывок из его работы был процитирован и прокомментирован в предыдущей главе). — По этому вопросу мы рекомендуем также еще раз вернуться к тому, что мы ранее говорили о «справедливости», рассматривавшейся как один из основных атрибутов «Царя Мира», а также о соотношении и связи «справедливости» и «спокойствия».

n_126

127

3. К вопросу о связи «земного Рая» и «небесного Иерусалима» см. «Эзотеризм Данте», стр.91–93.

n_127

128

4. Таким образом, согласно ряду западных эзотерических традиций, связанных в свою очередь с традицией, к которой принадлежал Данте, это было бы истинным воплощением «Священной Империи»; на самом деле, в этом случае человечество обрело бы наконец «земной Рай», что повлекло бы за собой объединение духовной и светской власти в едином принципе, который вновь бы стал видимо проявлен, как это было изначально.

n_128

129

5. Необходимо четко осознавать, что восстановление «первоначального состояния» всегда возможно для отдельно взятых людей, что, однако, является исключительным случаем, тогда как здесь речь идет о восстановлении этого состояния для всего человечества в целом.

n_129

6. Здесь можно вспомнить хорошо известную евангельскую притчу о Марии и Марфе, которые в данном случае могут рассматриваться как символы духовного и светского, поскольку принадлежат соответственно жизни созерцательной и жизни светской. — Согласно святому Августину (Contra Faustum, XX, 52–58) подобный символизм обнаруживается и в случае с двумя женами Иакова:____________, и Рахиль (visum principium), представляющая жизнь созерцательную. Более того, в понятие «Справедливости» включены все добродетели активной жизни, тогда как в понятие «Спокойствия» реализуется совершенство жизни созерцательной. В данном случае мы сталкиваемся с двумя основополагающими атрибутами Мельхиседека, а именно, общего принципа обеих властей, духовной и светской, действующих соответственно в сфере активной жизни и в сфере жизни созерцательной. С другой стороны, согласно тому же святому Августину (Sermo XLIII de Verbis Isaiae, c.2) разум находится на вершине низшей части души (чувство, память и размышление), тогда как интеллект — на вершине высшей части (вечные идеи, ставшие недвижимым принципом вещей): к первому принадлежит наука (знание вещей земных и преходящих), ко второму — Мудрость (знание абсолютного и недвижимого); первый относится к жизни активной, второй — к жизни созерцательной. Это различие напоминает различие индивидуальных и над-индивидуальных возможностей, а также различие соответствующих им двух различных типов знания. По этому поводу можно также процитировать следующий текст святого Фомы Аквинского: «Dicendum quod sicut rationabiliter procedere attribuitur naturali philosophioe, quia in ipsa observatur maxime modus rationis, ita intellectualiter procedere attribuitur pinoe scientioe, eo quod in ipsa observatur maxime modus intellectus» (In Boetium de Trinitate, q.6, art.1, ad 3). Ранее мы отмечали, что согласно Данте светская власть опирается в своих действиях на «философию» или на рациональную «науку», а духовная власть — на «Прозрение» или «Мудрость» сверхрациональную, что очень четко соответствует разделению высшей и низшей частей души.

n_130

FB2 document info

Document ID: 1388ff9a-13f6-47c4-a4f9-d5639c8e6409
Document version: 1
Document creation date: 08 September 2008
Created using: FB Editor v2.0 software

Document authors :

- traum

About

This book was generated by Lord KiRon's FB2EPUB converter version 1.0.28.0.

Эта книга создана при помощи конвертера FB2EPUB версии 1.0.28.0 написанного Lord KiRon